
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Чусовском металлургическом заводе. Производство стали в бессемеровских конверторах.

Фото А. Гостева

На первой странице обложки: Анастасия Малютина (слева) и Нина Юшина, токари-скоростники московского станкостроительного завода «Красный пролетарий», инициаторы соревнования за сокращение производственного цикла.

Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1337) 25 ЯНВАРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БДИТЕЛЬНОСТЬ И ЕЩЕ РАЗ БДИТЕЛЬНОСТЬ!

Недавно человечество узнало о раскрытии в нашей стране террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. Врачи-убийцы, изверги человеческого рода, наемные агенты иностранной разведки, растоптали священное знамя науки, осквернили честь ученых.

Большинство участников гнусной шайки людоедов было связано с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», которая под руководством американской разведки ведет широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Маскируясь «благотворительностью», международная еврейская сионистская организация выполняет самые грязные задания своих американских хозяев, сделав своей специальностью шпионаж и террор. Другая группа извергов состоит из давнишних агентов английской разведки.

Жертвами этой банды пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков. Врачи-убийцы установлением пагубного режима и неправильным применением сильнодействующих лекарственных средств довели до смерти выдающихся партийных деятелей. Преступники старались подорвать здоровье и вывести из строя руководящие советские военные кадры.

Неописуемо чудовищны преступления банды врагов народа! Гнев и омерзение охватывают всех честных людей, узнавших о злодеяниях наемных убийц, скрывавшихся под личиной профессоров медицины.

Советская медицина воплощает в себе лучшие черты социалистического гуманизма, она проникнута заботой о человеке, подчинена интересам народа, строящего коммунизм. Огромная армия советских врачей самоотверженно служит благородному делу охраны народного здоровья, заслуженно пользуется любовью и доверием широчайших трудящихся масс. Врачи-патриоты совершают подлинно героические подвиги, в любых условиях приходя на помощь людям, всеми средствами стремясь спасти их жизнь. И в эту трудолюбивую семью честных советских работников затесались подлые отравители, продавшие душу и тело международному империализму!

Нельзя забывать, что американские империалисты и их английские сообщники готовы на любое преступление во имя развязывания новой мировой войны. Они стремятся сделать то, что не удалось гитлеровцам, — создать в СССР подрывную «пятую колонну». С неслыханным цинизмом американское правительство открыто приняло закон об ассигновании ста миллионов долларов на террористическую и шпионскую деятельность в странах социалистического лагеря. Дело врачей-убийц показывает, как далеко зашли в своей человеконенавистнической деятельности американо-английские империалисты.

Злодейским планам нанесен сокрушительный удар! Но священный долг советских людей — ни на минуту не забывать о происках поджигателей войны, неустанно повышать свою бдительность. Чтобы ликвидировать вредительство, нужно решительно покончить с ротозейством и благодушием в наших рядах!

Бдительность и еще раз бдительность!

Накануне выборов в местные Советы

По всей стране началось выдвижение кандидатов в депутаты местных Советов депутатов трудящихся. Все оживленней становится на избирательных участках и в агитпунктах. На снимке: у избирательного участка № 11 Тимирязевского района города Москвы.

Фото О. Кнорринга

Там, где идет сейчас пароход, шел когда-то экскаватор Слепухи.

РОЖДЕНИЕ БУДУЩЕГО

Анатолий ЗЛОБИН

Рисунки Д. Виницкого

В газетах снова стали появляться заметки о Дмитрии Алексеевиче Слепухе. Снова неразлучные с его именем все растущие цифры новых рекордов. Однако теперь сообщения о Слепухе поступают не с Волго-Дона, а со стройки канала Волга — Урал. В одном из сообщений с Волго-Урала коротко говорилось, что экскаватор Слепухи идет впереди других машин.

Подобно лыжнику, идущему по целине в голове колонны, Дмитрий Алексеевич прокладывает путь для своих товарищей. Его экскаватор, углубляясь все дальше в степь, первым вгрызается в землю: Слепуха готовит забои для других машин, готовит дороги, по которым могли бы подъезжать самосвалы.

Перед Слепухой и его друзьями еще далекий и нелегкий путь. Они в самом его начале. Но настанет день, и они придут к далекому Уралу. И первым среди них будет Слепуха.

...Его экскаватор уходит все дальше в степь, на восток. А по проложенному им пути идут другие экскаваторы, и он ведет их так же уверенно, как когда-то водил в бой танковую роту.

Во время наших последних встреч в Москве Дмитрий Алексеевич говорил, что идти именно так — впереди — была его самая большая мечта. Его мечта сбылась, и мне хочется рассказать о том, что помогло ее рождению.

* * *

Это началось в субботу 20 сентября 1952 года, солнечным утром. Он сидел за столом и пил чай. Жена включила радио. Передавали последние известия:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда строителям Волго-Донского судоходного канала имени Владимира Ильича Ленина».

Слепуха отодвинул стакан и прислушался.

— Александрову Александру Петровичу,— говорил диктор,— начальнику Красноармейского строительного района...

Слепуха два года копал землю в этом районе и хорошо знал его начальника.

— ...Елисееву Василию Ивановичу...

Да это же бульдозерист Вася Елисеев, вечно смеющийся, напористый паренек!

Диктор продолжал перечислять хорошо знакомые Слепухе имена: Иван Ермоленко, экскаваторщик; Сергей Яковлевич Жук, главный инженер всего строительства; Евгений Симак, экскаваторщик с Цимлы... С одними он не раз встречался, о других слышал.

— Слепухе...— произнес диктор.

Его собственное имя, произнесенное так торжественно, на какое-то, самое первое мгновение показалось ему чужим, не относящимся к нему, Слепухе Дмитрию Алексеевичу, старшему мастеру экскаватора Водораздельного строительного района, как об этом говорил диктор...

Дмитрий Алексеевич поднялся со стула и с минуту напряженно глядел на репродуктор. Диктор продолжал говорить, но Слепуха уже ничего не слышал. Слова слились в сплошной басовый гул. И когда он наконец перевел глаза на жену, та не выдержала и бросилась к нему на грудь...

Есть минуты в жизни человека, как будто ничем не примечательные для других. Они навсегда остаются в его памяти и оказывают влияние на всю остальную жизнь. Миллионы советских людей прослушали и прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР, который передавался всеми радиостанциями страны и был напечатан во всех газетах. Люди порадовались за волгодонцев, еще раз восхитились их трудовым подвигом, родственники и знакомые послали им поздравления или поздравили лично — и жизнь продолжалась своим чередом.

А в жизни Слепухи эти минуты стали очень важными и значительными. Их влияние уже проявилось теперь и будет все больше и сильнее проявляться в дальнейшем. Внешне жизнь Слепухи — если не считать на первое время многочисленных гостей и поздравлений — не изменилась. Однако в понедельник он заторопился: прихватив с собой чемоданчик с бельем, уехал на новое место работы, в управление Сталинградской стройки. Проделав с сотню километров, в течение дня он успел оформиться в отделе кадров, получить комнату, побывать на участке нового канала Волга — Урал, где предстояло ему теперь работать.

На другой день он ходил по участкам канала. Его увидел главный механик управления, посадил в «Победу», привез к разгрузочным путям и показал на длинный ряд платформ:

— Вон ваш «Уралец». Только что прибыл. Принимайте!

Глядя на новенькие, выкрашенные свежей яркоголубой краской части машины, Слепуха не без грусти вспомнил о своем прежнем, запачканном и поцарапанном, с облупившейся по кузову краской, но зато таком привычном «Уральце», на котором он работал три с лишним года. Он с удовольствием поработал бы на нем еще.

Здесь все было как будто новым, лишь бескрайняя ровная степь была похожа на ту, какая была три года назад на месте нынешнего Волго-Дона. И все, что начиналось наново, чем-то повторяло то, что уже было на Волго-Доне, в самом начале строительства. И занимался он будто, как и прежде, несуетливо, своими делами. Но сам он, Слепуха, уже не был прежним. Он все время вспоминал ту минуту, когда услышал по радио свое имя, и, оценивая все свои дела, находил их теперь обыденными. Он был глубоко убежден в за-

кономерности случившегося, но вместе с тем был уверен, что все, что было на Волго-Доне, все то, что делал он прежде,— на новой работе уже не может просто повториться снова: тогда это будет очень плохо, и грош цена будет тогда ему, Слепухе. Здесь все должно стать новым и лучшим. Однако каким будет это новое, он еще точно не знал.

Поэтому больше всего Слепухе хотелось очутиться за рычагами своей машины и начать крошить, кромсать, загребать неподатливую, сопротивляющуюся землю, хотелось скорее ощутить свою власть и над машиной и над землей. Но разобранная машина пока еще была мертва.

На другой день рано утром его разбудил осторожный стук. Недоумевая, кому он мог понадобиться в такую рань, Слепуха открыл дверь и от дежурного по управлению узнал: его, Слепуху, вызывают в Москву, в Кремль.

— Телеграмма еще ночью пришла,— словоохотливо объяснял дежурный, радующийся тому, что и он тоже имеет отношение к этому замечательному событию. — Правительственная, с красной полосой. Срочно, написано, командируйте Героя Социалистического Труда товарища Слепуху в Москву. Главный механик уже подписал приказ. Как бухгалтер пришел, я сразу к вам...

Одеваясь, Слепуха с удовольствием слушал молоденького паренька, дотоле незнакомого ему. Слушая его, Слепуха понял, что именно этого вызова он ждал все эти дни и что именно эти два слова, такие привычные и простые,— Москва, Кремль — выражают самое большое его желание, во власти которого он бессознательно находился все это время.

На секунду мелькнула мысль о монтаже, который должен был начаться сегодня, но Слепуха отогнал ее от себя: она уже мешала ему. Это настроение оторванности от тех дел, которые вчера казались ему очень нужными, полностью овладело Слепухой. Он стремился вперед, в путь, хотел обогнать события.

А когда весь путь — на машине, на глиссере через Волгу, на самолете до Москвы — был преодолен, когда он пришел в министерство, ему сказали, что вручение наград состоится лишь 30 сентября, и посоветовали направиться в гостиницу.

— Еще никто не приехал; вы — первый. Так что ждите, отдыхайте.

На девятом этаже гостиницы «Москва» Слепуха вошел в комнату, указанную дежурной, и стал обдумывать случившееся. Отдых ему был нужен меньше всего, а до тридцатого оставалось еще четверо суток и одна ночь. Так или иначе, надо как-то их прожить. Он помылся, переоделся, поужинал. На это ушло немногим более часа. Впереди попрежнему было четверо суток и одна ночь.

* * *

...В эти дни ожидания он ходил по улицам Москвы, по залам музеев и все время думал: «Теперь надо работать еще лучше». И тут же спрашивал себя: «А что значит «работать лучше»? Может быть, это значит ставить новые рекорды? Пусть люди видят, кто такие волгодонцы!»

«А что дальше? — снова спрашивал он себя.— Построить Волго-Урал и поехать на другой канал? Нет... Одних рекордов мало. Теперь надо смотреть дальше. Ведь мои помощники Ваня Селиверстов, Вася Федоров могут уже работать самостоятельно. Пусть они тоже получат новые экскаваторы и копают канал».

«А что же еще?»—спрашивал себя Слепуха и отвечал: «Надо набирать себе новый экипаж — молодежь — и начинать с ним копать канал. Конечно, молодые придут без опыта, на первых порах не то что рекордов,— норму выработки могут не выполнить. Но они научатся. И опыт придет. Ваня Селиверстов тоже, до того как пришел на канал, экскаватора в глаза не видел. Зато выгода от этого будет тройная. Вместо одного хорошего экипажа — три».

Слепуха тут же взялся за дело. Накупил в техническом магазине книг по электротехнике и механике и принялся за составление обстоятельного плана «Памятки экскаваторщика», которую решил написать и которую полезно было бы напечатать в виде брошюры.

Д. А. Слепуха.

«В памятку, размером 10—12 страниц,—писал он,— должны войти основные правила экскаваторщика: как принимать смену, как произвести осмотр экскаватора перед работой, как правильно производить загрузку земли в автосамосвалы, как делать прорезь и разрабатывать забой, как ускорить цикл, как работать в зимних условиях. Особо следует рассказать об основных неисправностях, причинах их возникновения и о том, как их устранить, рассказать о работе на вязких грунтах...»

В эти дни в Москве у Слепухи была встреча, которая окончательно закрепила его намерения. Он встретился с Борисом Ивановичем Сатовским, творцом советских экскаваторов, которого знал с того времени, как только начал работать на его машинах.

Поздравив друг друга с наградами — Сатовский, конструктор Уралмаша, завода, давшего Волго-Дону десятки замечательных «Уральцев» и два знаменитых больших шагающих экскаватора, был награжден орденом Трудового Красного Знамени,— они отправились в ресторан, чтобы отметить это событие, а заодно и поговорить.

— Дмитрий Алексеевич,— говорил Сатовский,— у меня к вам просьба. Скоро мы сделаем новую гусеничную лопату на шесть — восемь кубов. Прошу вас приехать на испытания. Опробуйте машину, оцените нашу работу.

— Не возражаю. Когда надо ехать?

— О, еще не скоро! Годика через полтора.

— Не скоро,— согласился Слепуха, который был готов ехать хоть сейчас.

— Может, поднажмем,— тогда через год. Раньше никак: машина все-таки большая, сложная... Ну, а как вам новая стройка, Волго-Урал?

— Ничего,— неторопливо, как всегда, говорил Слепуха,— будет где развернуться.

— А «Уралец» ваш где? Остался на оросительных?

— Да, остался. Дали новую.

— Ничего, скоро привыкнете к ней,— говорил Сатовский, хорошо понимая чувства Слепухи.— А какую награду получил Иван Селиверстов?

— Ваня получил орден Трудового Красного Знамени.

— Вот еще один экскаваторщик вырос. Передайте ему горячий привет.

— Он теперь будет работать самостоятельно.

— Разве вас не вместе перевели?

— Вместе. Только я считаю...— И Слепуха поделился своими мыслями о будущих учениках.

— Правильно, — горячо одобрил Сатовский,— это хозяйский подход к делу. Может быть, на первых порах вы и проиграете, зато потом, когда они пройдут вашу выучку, вы с лихвой наверстаете время. Нам кадры нужны, а ваша школа — лучшая в стране.

— Есть у меня еще мысль...

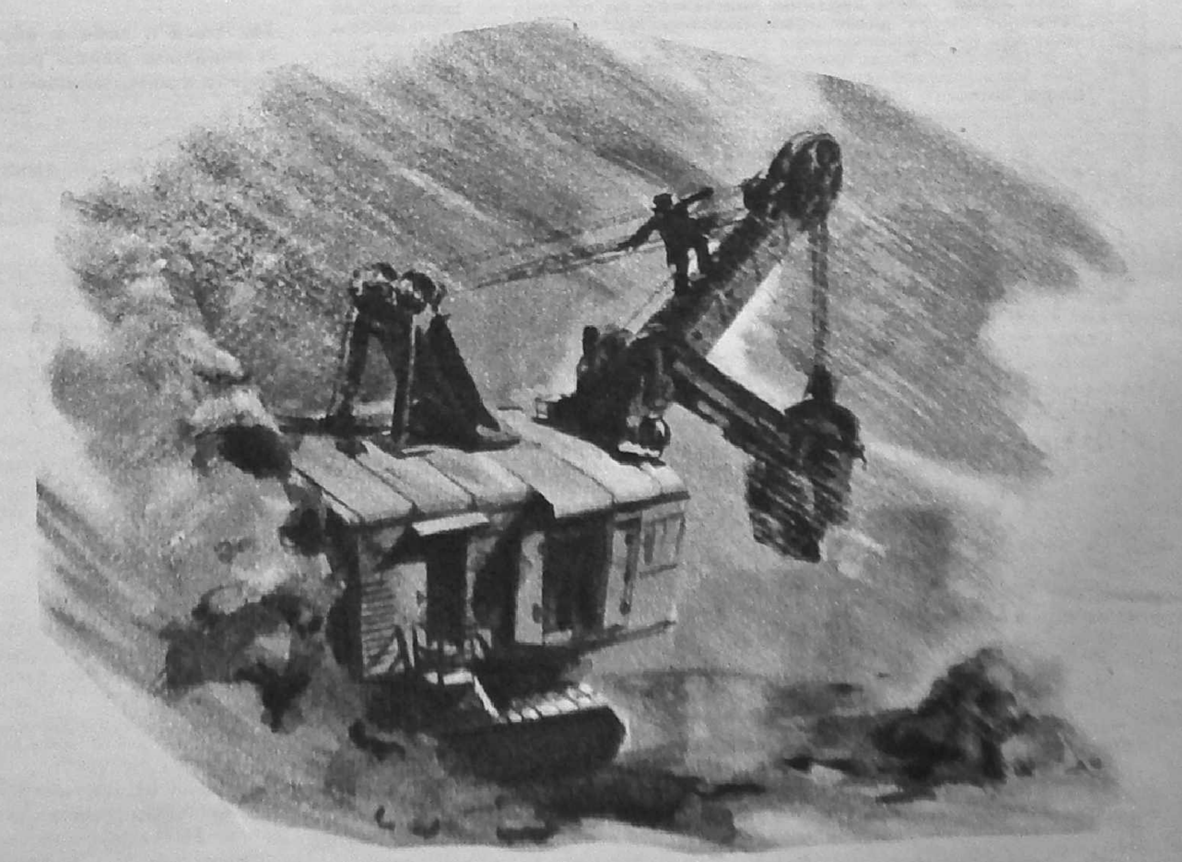
— Какая? Об экипаже?

— Нет. О машинах. Надо «Уральцам» объединиться и работать по совместному плану. Пора...

— Вот именно, — сразу схватил Сатовский идею Слепухи,— раньше, когда экскаваторов было не так много, они еще могли работать в одиночку. Теперь же надо сводить их вместе, как танки, во взводы, в роты, в полки. И тактика для них нужна новая — массированный экскаваторный удар. Это вы здорово решили.

— Вот мне бы командиром такой «роты»...— задумчиво произнес Слепуха.— Теперь все должно быть по-иному. До Урала будем пять лет идти, надо разбег брать.

...Утром он шагал по площади перед Кремлевским дворцом, внимательно разглядывая

Так приходилось иногда работать...

фасады зданий. Он поднялся по устланной коврами лестнице и очутился в просторном высоком зале, где было уже больше ста человек. «Все с Волго-Дона», — подумал Слепуха, замечая знакомые лица.

Открылась дверь. Разговоры стихли. Вошел Председатель Президиума Верховного Совета Николай Михайлович Шверник. Секретарь Президиума начал читать Указ и называть фамилии. Первым вызвали Александрова. Слепуха увидел своего бывшего начальника и стал аплодировать ему. Затем к столу подошел знаменитый начальник Цимлы Барабанов, потом подходили другие.

Вот Симак, сидевший рядом с ним, тяжело встал со своего места и ушел туда...

«Сейчас меня», — затаив дыхание, подумал он и действительно услышал свое имя. Дмитрий Алексеевич встал и на негнущихся ногах пошел вперед. Ему казалось, что он идет слишком долго. «Надо было сесть поближе», — подумал он. Подойдя к столу, он неловкими руками принял большую красную папку, красную коробочку, а потом еще одну коробочку.

Отвечая на поздравление Шверника, он протянул руку и посмотрел ему в лицо. Увидев так близко его одобряющую улыбку и чуть прищуренные, дружески смотрящие на него глаза, он поблагодарил Шверника, хотел сказать что-то еще, но ничего не сказал и пошел обратно, плотно прижимая к себе папку и обе коробочки.

На своем месте он принялся рассматривать орден Ленина и золотую звездочку. Потом Симак достал перочинный нож, и они привинтили медали друг другу к пиджакам. Орден Ленина Слепуха осторожно прикрепил рядом с орденом Красного Знамени.

Он вынул из папки грамоту и стал ее читать: «За особо выдающиеся заслуги и самоотверженную работу по строительству...» Он перечитал это еще раз и задумался. Когда же было это особо выдающееся и самоотверженное? Он стал вспоминать. Может быть, это было в марте, в напряженные предпусковые недели? Ночью разыгрался необыкновенно сильный буран. Густой снег залеплял окна кабины, прожекторы, но Слепуха продолжал копать. Вдруг что-то случилось: ковш перестал опускаться и подниматься. Слепуха полез на стрелу: надо было заменить искрошившиеся щетки. Колючий ветер швырял в лицо хлопья снега, пальцы стыли и переставали слушаться. На скользкой стреле под злым ветром невозможно было держаться — два раза он скатывался с нее и падал вниз, в сугроб. Тогда он приказал своим помощникам привязать его ремнями к стреле и, освободив руки, устранил неисправность.

...Может быть, это было гораздо раньше, в позапрошлом году, когда он копал котлован для третьего шлюза? На экскаватор неожиданно двинулся оползень, грозя раздавить машину. Трое суток не уходил он с машины, разбрасывая в стороны надвигавшуюся землю. Оползень был остановлен, «Уралец» победил.

А может быть, это было тогда, когда он ездил на соседние участки обмениваться опытом и учил других экономить секунды? А может быть, это было когда-то еще, в каком-то другом случае, который он не мог сейчас вспомнить? Много их было, всяких случаев.

Ночью он улетел из Москвы и утром завтракал уже в столовой нового поселка Сталинградской стройки. Рядом с ним сидел Иван Селиверстов, и Слепуха говорил ему:

— ...Вот и прилетел я, Иван. Будем с тобой прощаться. Решил набрать себе учеников. Начну с ними работать.

— А куда же меня? — спросил Селиверстов.

— Ты получишь свою машину. Наберешь экипаж и сам будешь ребят учить.

— Хорошо, Дмитрий Алексеевич. — Селиверстов помедлил (незаметно для себя он перенял привычку Слепухи разговаривать не спеша). — Только тогда давайте так: вызываю вас на соревнование!

— Принято, — ответил Слепуха.

Потом он шагал по улицам поселка, и все казалось ему родным и знакомым, будто он уже давно жил здесь. Слепуха очутился на монтажной площадке, и «Уралец», начавший уже обретать свои формы, тоже показался ему привычным и близким, как будто он и прежде работал на этой машине. Он был дома.

Слепуха пошел дальше, на участок, где экскаваторы, размахивая ковшами, копали канал, уходя все дальше в степь. Вот уже экскаваторы остались позади, не слышно уже их грохотанья, перемешанного с густым ревом самосвалов.

Земля под ногами была сухой и жесткой. Ветер бросал ему в лицо пригоршни пыли, а он все шел и шел. Наконец он остановился. Перед ним лежала гладкая, бескрайняя пустынная степь. Над самым горизонтом висело два густосерых облачка, и казалось, вся степь тянулась к ним своей высохшей грудью. Земля словно застыла и притаилась в ожидании нового, которое настойчиво наступало на нее.

Портрет

Лила РИПОЛЛ

В январе этого года патриоты Бразилии отметили 55-летие со дня рождения Луиса Карлоса Престеса, любимого вождя бразильского рабочего класса.

Престес с юных лет посвятил себя борьбе за независимость родной страны, за ее счастливое будущее. Вся его жизнь и борьба — олицетворение мужества и героизма бразильского народа, закованного в цепи кабалы американо-английскими империалистами.

Рыцарь надежды — так зовут Престеса простые люди Бразилии. Во главе непобедимой колонны повстанцев он прошел по бразильской земле 36 тысяч километров, повсюду вселяя в угнетенные массы надежду на освобождение.

В 1935 году Луис Карлос Престес возглавил вооруженное восстание Национально-освободительного альянса, программа и деятельность которого были направлены против империалистического ига.

В настоящее время Престес — генеральный секретарь Коммунистической партии Бразилии. Пламенный борец за мир между народами, он заявил в сенате 26 марта 1946 года: «Бразильский народ никогда не поднимет оружия против советского народа».

«Мир, — сказал Престес в своем приветствии Континентальному конгрессу сторонников мира, состоявшемуся в Мексике, — это путь к освобождению и к величию Америки. Мир — это путь к демократии и подлинному патриотизму».

Это было зимним утром.
Вдоль по улице холодной
Я блуждала и искала
Дом под номером таким-то.

Продиктован только адрес:
Дескать, там живет пианистка.
У нее учиться можно.

Музыкантша молодая,
Я полна одною мыслью
В это утро,
Беспокоюсь, ожидаю
И беспечно
О судьбе своей гадаю.

Вот и дом возник передо мною,
Вот ворота с узкою калиткой,
На знакомый старый лад поющей,
Только прикоснешься к ветхим
створкам.

Я вхожу, волнуясь, в эту залу,
Словно здесь была уже когда-то,
Подхожу к раскрытому роялю.

Жду хозяйку.
В доме тихо.
Все полно приветливости
скромной.
И в глаза мне бросился внезапно
Прямо на стене портрет
огромный.

Узнаю лицо и лоб открытый,
Вижу взгляд, и смелый и
спокойный.
Вот он! Это наш великий
рыцарь,
Рыцарь всех народных
упований.

Почему он здесь, в спокойном
доме,
В этой тихой, старенькой
гостиной!
Почему здесь Лунс Карлос
Престес,
Озаривший взглядом все вокруг!

Так сама к себе я обратилась.
И внезапно рядом раздается
Чей-то голос, нежный и
печальный:

— Это внук мой, девочка, мой
Карлос.
Нравится тебе он! Знаешь, кто
он!

Предо мною женщина простая
С благородными чертами —
бабка
Престеса, пианистка Эрмелинда.

А спокойный голос продолжает:
— Был он в детстве тихим и
послушным.
Кто бы предсказал, что станет
мальчик
Революционером!

Был он милым, ласковым
ребенком...
Ах, синьора, ваша речь —
вступленье
К повести, что пишется народом.

Он далек от прошлого, я знаю,
Но он здесь присутствует, он
близок,

Луис Карлос Престес.

Близок вашей речи благородной,
Дышащей любовью и тревогой,
Близок и другим речам, гремящим
Властной бурей в городах и
селах.

Будет день, сюда вернется
Престес,
В дом, где произносят это имя,
Где портрет, висящий над
роялем,
Смелого вождя изображает.

Будет день, споют об этом камни,
Хижины простые озарятся,
Голосу из пламени и бури
Торжествующий народ ответит!

Перевел с португальского
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ГЕРОИЧЕСКИЕ БУДНИ КОРЕИ

Город Вонсан. Квартал Санпхун, разрушенный американскими интервентами.

ХАН СЕР Я,
корейский писатель

Перед вами фотографии о жизни и борьбе моей родной страны. Посмотрите на них внимательно. Они о многом могут рассказать, эти документы.

Вы видите, что сделали с Вонсаном американские воздушные пираты. Днем и ночью они бомбят города и села Кореи. Американские изверги разрушают памятники нашей национальной культуры, храмы, библиотеки. Вы видите корейских женщин, которые плачут над трупами своих детей. Вам может показаться, что жизнь в Корее приостановилась, что страна стонет от горя и несчастий, обрушившихся на нее. Но это не так: жизнь идет своим чередом, жизнь не стоит на месте, народ наш отважно защищает свою родину. Недавно мне пришлось быть в городе Хыннам. После ожесточенного обстрела я встретил на улице старика, он мне сказал так: «Мы не скрываем — жить стало тяжелее. Но мы живем и боремся. И мы победим».

Так отвечает весь наш народ на резолюцию ООН, которую незаконно протащили агенты Уолл-стрита и которая рассчитана на затягивание войны в Корее. Американская военщина хотела бы задушить наш народ. Но... мало ли чего захотят эти звери? Корею нельзя уничтожить!

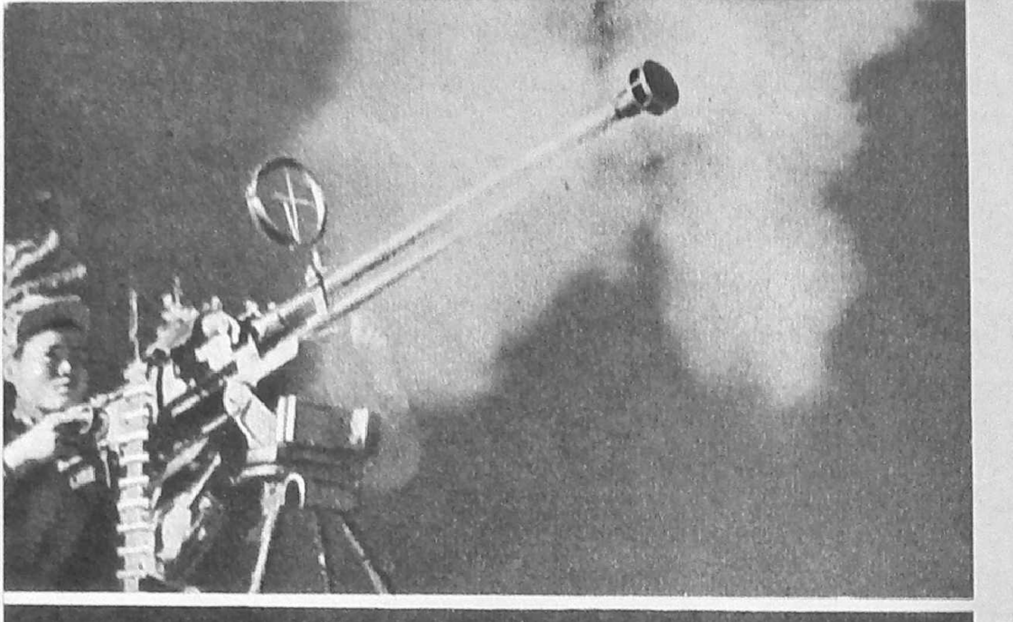
Простые корейские люди, несмотря на страшные бомбежки и зверства американских интервентов, стоят на посту. Они не покидают фабрик и заводов. Наоборот, люди работают в тылу с невиданным энтузиазмом. Крестьяне Кореи в этом году собрали богатый урожай риса, самый высокий за последние тридцать лет. Этому, правда, способствовала и погода — было много дождей. Но хорошая организация полевых работ тоже сыграла свою роль. И это несмотря на то, что из сел Северной Кореи почти все мужчины ушли на фронт. Вся тяжесть полевых работ легла на плечи наших героических женщин.

Китайские народные добровольцы на передовой позиции.

После налета воздушных пиратов.

Зенитчица гвардейского зенитного полка.

Пионеры средней школы № 2 города Нампхо собрали железный лом.

Я бывал на заводах и фабриках — нигде нет и тени растерянности или суматохи. Всюду образцовый порядок. Среди работниц Кореи немало теперь новаторов производства, которые еще недавно учились, а сейчас сами изобретают.

Американские интервенты думают, что если им удалось разрушить здания школ и институтов, то у нас в Корее никто не учится. Нет, это не так! Во время войны число студентов не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. Студенты и школьники заботятся о помещениях, делают парты, заготовляют дрова, топят печи,— молодежь не только учится, но и помогает взрослым.

Работники искусства вместе со всем народом борются за освобождение Кореи. Среди фронтовиков, солдат и офицеров, появилось много новых поэтов, прозаиков, художников. Они создают произведения, которые помогают народу и армии в их священной борьбе.

Художник Тен Гуан Чер — один из любимейших художников народа. Его картины рассказывают о подвигах солдат на фронте, об отважных бойцах тыла. На одном из снимков вы видите Тен Гуан Чера, работающего над картиной «Наемные вояки Уолл-стрита». На ней изображены военнопленные, американцы, которых ведут по улицам Пхеньяна.

Наша молодая Народная армия сейчас, конечно, намного сильнее и опытнее, чем она была в начале войны. С презрением к смерти сражаются отряды охотников за вражескими самолетами. Именно поэтому американцы теперь боятся бомбить нас днем в ясную погоду. Они совершают свои разбойничьи налеты ночью или под прикрытием облаков. Укрепляется наша артиллерия. Когда у наших морских берегов появляются вражеские корабли, наша артиллерия встречает их метким огнем.

* * *

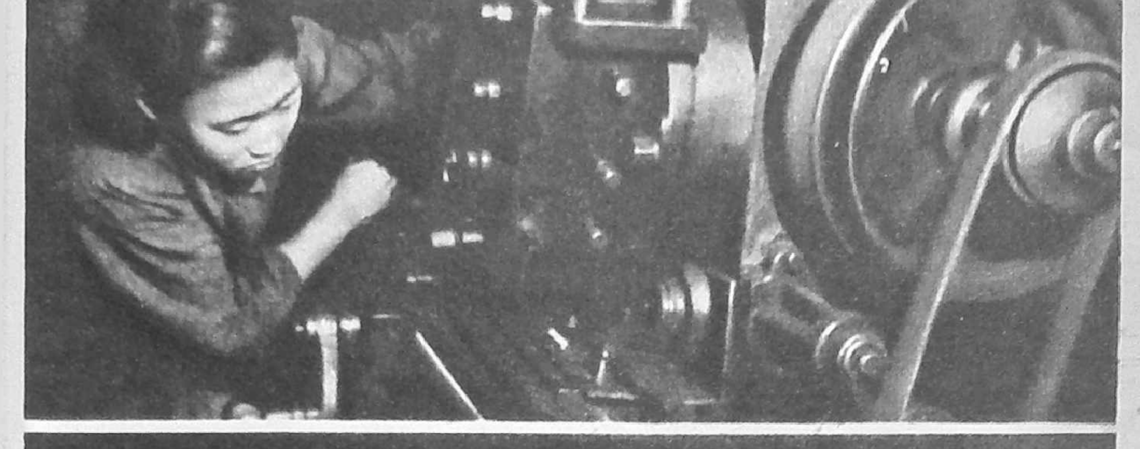
Меня часто спрашивают: поют ли в Корее?

Конечно, поют. Есть у нас славная песня о Ким Ир Сене. Композиторы слагают новые марши и песни. Они пишут музыку прямо в окопах. Да, здесь, на фронте, и создается боевая песня, которая помогает солдату отбить вражескую атаку и рабочему выпустить больше продукции. Мы попрежнему любим веселые песни и поем в них о нашей победе и о нашей ненависти к врагу.

Наш любимый вождь Ким Ир Сен говорит, что мы боремся за правое дело и поэтому победим. Нас воодушевляют в борьбе братская солидарность и сочувствие народов Советского Союза, Китая, стран народной демократии.

Корея жестоко страдает, ей тяжело. Но, несмотря на это, корейский народ с беззаветным патриотизмом борется за свободу своей родной земли. Наши села и города поднимутся из пепла!

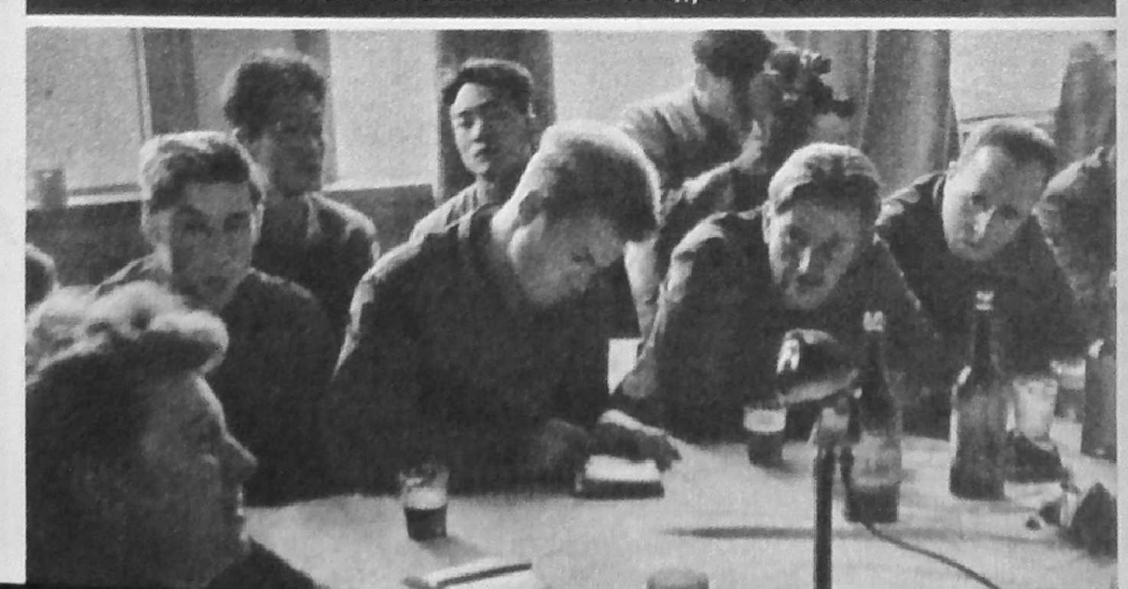
Пионеры провинции Южный Пхенан разучивают патриотическую песню.

Ли Сун Сир — одна из лучших фрезеровщиц машиностроительного завода.

Художник Тен Гуан Чер у своей картины «Наемные вояки Уолл-стрита».

Корейские дети, лишившиеся родителей, окружены всенародной любовью и заботой. Маленький житель Пхеньяна Ли Мен Син получил подарок из Монгольской Народной Республики.

Прошлой осенью в Корее вторично побывала мужественный борец за мир Моника Фелтон. На снимке: Моника Фелтон беседует с военнопленными.

Голос ливанского народа

— Почему вы не выступаете против Советского Союза? — спросил председатель суда, резко оборвав речь обвиняемого.

— Мы уважаем Советский Союз, ибо без него Ливан остался бы французской колонией...

— Разве англичане не помогли делу эвакуации французов из Ливана? — снова прервал судья обвиняемого.

— Нет. Англичане и французы достигли соглашения об оккупации нашей страны в соответствии с конвенцией Бевин — Бидо.

Лицо судьи побагровело, глаза гневно прищурились. Но чем больше свирепел судья, тем спокойнее и тверже звучали в притихшем зале ответы обвиняемого. Он не оправдывался, а обвинял. Словно прикосновение раскаленного металла, простые слова правды жгли врагов ливанского народа — американских, английских и французских колонизаторов.

Обвиняемого звали Антуан Табет. Он редактор и издатель известного ливанского журнала «Аттарик», награжденного международной премией — Золотой медалью мира. Отстаивая журнал от яростных атак судьи, Антуан Табет заявил:

— Двести пятьдесят тысяч ливанцев подписали Обращение Всемирного Совета Мира. Если правительство считает, что действия этих людей нарушают безопасность, то оно должно построить концлагери и бросить туда чуть ли не весь народ.

Рассмотрение дела по обвинению Антуана Табета в нарушении «безопасности» было отложено. А несколько дней спустя бейрутский суд был вынужден оправдать Антуана Табета.

Но вскоре после этого (Антуан Табет тогда находился в Берлине, на чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира) местная реакция по наущению своих заокеанских покровителей подготовила новое судебное дело против журнала «Аттарик». Заседание суда было проведено скоропалительно, и так же быстро состряпан приговор: «Аттарик» закрыть на один год, Антуана Табета приговорить к трехмесячному тюремному заключению.

Демократические силы Ливана и других арабских стран резко осудили расправу над своим журналом. Они, конечно, понимали, что журнал закрыт потому, что он бесстрашно разоблачает кровавые планы американских поджигателей войны, потому, что он мешает всем этим «покровителям» арабов строить на территории арабских стран военные базы, аэродромы, казармы.

Ныне голос журнала «Аттарик» вновь звучит в полную силу. К нему с уважением прислушиваются на всем арабском Востоке. Он был основан в городе Бейруте — столице Ливана — десять лет назад, во время войны с гитлеровской Германией. Основателем его был известный прогрессивный арабский публицист и писатель Омар Фахури, возглавлявший тогда антифашистскую лигу Сирии и Ливана.

«Аттарик» означает по-арабски «путь». Название журнала символизировало в ту тяжелую пору путь непримиримой борьбы против фашизма и войны, путь борьбы за свободу и национальную независимость — путь, на который стали изнывающие от тягот войны и тяжелого колониального гнета народы арабского Востока.

Вокруг журнала сгруппировались лучшие арабские писатели и поэты, публицисты и журналисты, ученые и общественно-политические деятели. В числе их архитектор Антуан Табет, который после смерти Омара Фахури возглавил журнал «Аттарик», видный общественно-политический деятель и писатель Ливана доктор Жорж Ханна, писатель и художник Радван Шагаль, ливанский публицист и писатель Васфи Буни и другие известные сторонники мира арабских стран.

Страстным словом журнал «Аттарик» пропагандирует в народных массах арабских стран идеи мира и дружбы между народами, зовет к борьбе против черных замыслов поджигателей войны. С его страниц обращаются к народам арабских стран славный турецкий поэт Назым Хикмет, пламенный чилийский патриот Пабло Неруда, мужественный борец за мир Жоржи Амаду и многие другие.

Выражая глубокие симпатии и дружеские чувства ливанцев к Советскому Союзу, Омар Фахури сказал, что Советский Союз является «краеугольным камнем в здании нового человеческого общества, школой народов в борьбе за свои права и свободу, завтрашним днем человечества». Пропагандируя идеи мира, журнал «Аттарик» знакомит своих читателей с лучшими произведениями великого писателя М. Горького и других советских писателей.

«За мир!» — вот девиз, которым руководствуется журнал «Аттарик» в своей деятельности. Стихи и проза, статьи и очерки, карикатуры и рисунки — все служит одной цели — укреплению мира и дружбы между народами.

Р. АРУТЮНОВ

СЕЛО МАКАРА БИДЗА

Вот вкратце история переименования армянского села Гаджикара в село Макарашен.

«Гаджикара» означает в переводе на русский язык «Черный Гаджи». Гаджи был князь. Не годится, чтобы советское село называлось именем князя. Что оставил после себя жителям села богатей? Ничего, кроме безысходной нищеты и мрачных воспоминаний. Но как назвать село, чьим именем? И тогда кто-то предложил имя дядюшки Макара.

Макар бидза — дядя Макар — житель этого же села, колхозный бригадир. Подвигов он больших не совершал. Его заслуга перед односельчанами состоит в том, что он по своей инициативе вырастил колхозный фруктовый сад. Сад стал основным источником дохода в колхозе, позволил развить и усовершенствовать полеводство и животноводство.

Село стали называть Макарашен.

Все это случилось не так давно, уже после Великой Отечественной войны. В феврале 1946 года жители села обратились в Президиум Верховного Совета Армянской ССР с просьбой переименовать село, а 1 марта вышел Указ:

«Село и сельсовет Гаджикара переименовать в село и сельсовет Макарашен».

Макар Акопян с внуком Володей.

* * *

Каменистые склоны Памбакского хребта серы и неприглядны в своей наготе. Дорога в Макарашен идет сперва по ущелью реки Памбак, потом углубляется в горы, все выше и выше. Село показывается сразу за поворотом дороги. Оно лежит внизу, в кольце голых холмов, и, словно пена в большой чаше, кудрявятся в нем сады. В зелени мелькают красные черепичные крыши домов. Многое из того, что видишь сегодня в Макарашене, построено на средства, которые колхоз выручил от продажи фруктов,— конюшни, склады, радиоузел, оросительный канал, новое здание больницы. В общем годовом доходе колхоза более трех четвертей составляет доход от плодового хозяйства. Новые дома в селе появились лишь после того, как начали плодоносить деревья в саду и на приусадебных участках колхозников. После Отечественной войны в Макарашене выстроено около сорока домов, крытых нарядной, красной черепицей.

Построил себе новый дом и Макар бидза. На стене широкого балкона он велел деревенскому маляру «отбить» трафарет с изображением яблок. Пусть знают, что живет в этом доме садовник.

Мы в гостях у Макара Акопяна — человека, давшего имя селу. Хлопочет хозяйка дома — Варсеник. Макар бидза, восьмидесятилетний старик с добрым лицом, сам перетирает стеклянные вазы и бережно раскладывает на них фрукты — в каждую вазу отдельные сорта. Его руки, руки садовника, в глубоких трещинах, вобравших навечно чернь земли. В таких руках особенно ярко рдеют краснощекие ранеты.

Стол накрыт, и теперь, если гости этого желают, Макар бидза может рассказать, как он стал Макаром-строителем. Жизнь его похожа на жизнь многих крестьян старой, нищей армянской деревни. Вырос в многодетной семье. Когда обвенчался со своей Варсеник, в доме стало так тесно и худо, что пришлось уйти в город, на заработки. Работал в Тбилиси, в винных подвалах, у богатых людей, побывал в различных местах, многое в жизни увидел, но всегда его тянуло домой. Нет-нет, да и приедет в Гаджикару. За эти годы больше всего полюбилась Макару профессия садовника. Он и у себя дома посадил несколько яблонь.

Армения стала советской, жизнь постепенно налаживалась, а Макар по привычке то в село приезжает, то в городе живет, словно места себе не находит.

В Гаджикаре между тем назревали большие события: создавался колхоз. Ядро колхоза — коммунисты. Был среди них один человек, слова которого взволновали Макара с особенной силой.

— Что, Макар-джан, бегаешь туда-сюда? — сказал он ему.— Ты же крестьянин, пора и на землю осесть. Мы артельное хозяйство в селе создаем, будем своими силами из бедности вылезать, чарухи скидывать, в сапоги обуваться. Ты работу любишь. Иди к нам и помоги наладить общее хозяйство.

Макар Акопян и колхозник А. Гумашян осматривают собранные яблоки и груши.

Фото С. Короткова

Об этом человеке — его звали Мкртыч Данелян, его уже нет в живых — Макар бидза говорит с особенной теплотой:

— Какой человек был! Уже тогда знал, что будем хорошо жить. И я ему поверил.

Макар и Варсеник Акопяны вступили в колхоз с первого года его организации. В холмистых складках, окружающих село, старик (ему тогда уже было под шестьдесят) нашел хорошее место для фруктового сада, посадил на пяти гектарах первые деревья и стал руководить садовой бригадой.

С тех пор прошло более двадцати лет. Площадь сада увеличилась в шестнадцать раз. Из питомника, созданного садовником, саженцы разошлись по соседним колхозам. Выросли Арчутские, Дарбазские и даже высокогорные Аллаварские сады.

Приятно старику смотреть, как одеваются каменистые берега Памбака в веселый наряд фруктовых садов, приятно смотреть на свой дом, просторный и добротный, на своих здоровых, краснощеких внучат. Приятно, когда люди, которых он когда-то впервые подвел к дереву и показал, как надо ухаживать за ним, уже стали агрономами-садоводами и руководят большими плодовыми хозяйствами в республике. Вышли и такие из Макарашена.

И. МЕСХИ

Школа зодчества

Воспитание советских мастеров архитектуры ведется не только в стенах учебных заведений. В июне 1945 года была организована мастерская-школа академика архитектуры И. В. Жолтовского. Ее цель — воспитание молодых мастеров советской архитектуры, которые здесь же заняты проектированием и строительством.

По проекту, выполненному И. В. Жолтовским при участии молодых архитекторов В. Л. Воскресенского и П. И. Скокана, инженера-конструктора В. М. Щеглова, производятся работы по реконструкции Московского государственного ипподрома. Зодчие Н. П. Сукоян и В. М. Аникин под руководством И. В. Жолтовского разрабатывают проект здания Львовского ветеринарного института.

Г. Г. Лебедев в соавторстве с И. В. Жолтовским выполнил проект здания Московского высшего художественно-промышленного училища. На III Всесоюзном смотре творчества молодых зодчих проект Лебедева был отмечен первой премией. При участии Б. Н. Лазарева и М. Н. Круглова И. В. Жолтовский выполнил проект многоэтажного жилого дома Министерства сельского хозяйства СССР на Ярославском шоссе.

Примечательно, что и художественные работы: росписи потолков, колонн, стен — тоже выполняют ученики Жолтовского — Г. А. Михайловская и Г. П. Кожевникова.

Мастерской-школе И. В. Жолтовского поручена разработка комплексных проектов застройки центра Москвы в пределах кольца «А». В этом районе сосредоточены исторические памятники и административные и правительственные здания.

«Нигде и никогда не стояли перед архитектурой такие огромные задачи, — говорит И. В. Жолтовский. — Нам нужны архитекторы высокообразованные, люди высокой культуры. Будущее советской архитектуры в руках молодежи».

На снимке: творческая беседа академика архитектуры И. В. Жолтовского со своими учениками — архитекторами мастерской-школы. Слева направо: П. Скокан, Н. Сукоян, В. Воскресенский, И. В. Жолтовский, Г. Лебедев и Г. Михайловская.

Фото Б. Дмитриева

Тепловозосборочный цех Харьковского завода транспортного машиностроения — цех коллективного стахановского труда. Больше года он держит знамя «Лучшему цеху завода». На переднем плане — группа создателей газогенераторного тепловоза «ТЭ-4» (слева направо): слесарь И. Р. Серый, электрик Г. А. Арбузов, старший мастер Б. И. Ершов, конструктор лауреат Сталинской премии А. М. Хрычиков и начальник тепловозосборочного цеха С. А. Булгаков.

Фото Я. Рюмкина

ЧУДЕСНАЯ МАШИНА

Тепловоз «ТЭ-4».

К. ЯКОВЛЕВА

«Приступить к производству новых мощных паровозов, электровозов и тепловозов, в том числе газогенераторных».

Из директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану.

Ему нет и четырех месяцев. Праздничный, поблескивающий веселой светлозеленой краской, весь устремленный вперед, стоит он в сборочном цехе, у самых ворот. Кажется, вот-вот медленно распахнутся тяжелые ворота и мощный магистральный газогенераторный тепловоз серии «ТЭ-4» уйдет в далекий путь...

Творцы и строители этой чудесной машины предсказывают ей большое будущее. Но прежде чем рассказать, как она будет служить людям, вспомним ее историю.

История эта уходит в те далекие годы, когда русский инженер-теплотехник В. И. Гриневецкий задался целью применить на железных дорогах двигатель внутреннего сгорания. Смелая и умная мечта в условиях царской России так и осталась мечтой. Идею Гриневецкого осуществили советские люди: тридцать лет назад Совет Труда и Обороны принял постановление о строительстве тепловозов. А в 1924 году на железнодорожных магистралях страны появился первый тепловоз.

Ныне центром советского тепловозостроения стал Харьков. Здесь в 1948 году на заводе транспортного машиностроения была разработана конструкция нового магистрального тепловоза, в два раза более мощного, чем его предшественник «ТЭ-1» мощностью в тысячу лошадиных сил. В июне 1950 года начался серийный выпуск «ТЭ-2», самого сильного из тепловозов, которые ходят на наших дорогах. Это был праздник всего коллектива. Группа конструкторов «ТЭ-2» и производственников была удостоена Сталинской премии.

...Главный конструктор завода по локомотивостроению Александр Александрович Кирнарский разворачивает длинный лист. Одна под другой вытянулись на нем две схемы. Смотри, слушай, сравнивай и поймешь, почему так нужен нашей стране тепловоз, в чем заключаются его неоспоримые преимущества.

Если мысленно окинуть взором просторы нашей необъятной Родины, увидишь тысячи километров стальных путей, разрезающих ее горы, поля, леса, степи. Почти тридцать процентов добываемого в стране топлива сгорает в паровозных топках, но из этого количества только шесть процентов затрачивается на полезную работу, чтобы двигать колеса, все остальное уходит на различные потери, «вылетает в трубу». Тепловоз, где источник энергии — жидкое топливо, сжигаемое в двигателе внутреннего сгорания, расходует горючее иначе: у него на полезную работу идет тридцать процентов тепла сожженного топлива. Тридцать и шесть — вот две цифры, над которыми нельзя не призадуматься!

Чтобы перевезти тысячу тонн груза на один километр, тепловозу нужно всего четыре килограмма топлива, а паровозу — целых восемнадцать. Паровоз набирает уголь через каждые двести пятьдесят — триста километров; тепловозу хватает топлива, взятого в путь, на тысячу километров. Тепловоз не расходует топлива на длительных стоянках, паровозу без него не обойтись. Как иначе поддержишь горение в топке!

А вода! Через каждые сто километров паровоз останавливается у водокачки, чтобы набрать воду. Только на час работы ему нужно десять — двенадцать тонн воды. «ТЭ-2» использует воду лишь для охлаждения двигателя. Запаса воды, взятого с собой в путь, хватает ему на пробег двух тысяч километров. Он расходует такую малость воды, что говорят: «Тепловоз потребляет воды меньше, чем выпьет пассажир за то же время».

Тепловозы ходят в краях, бедных водой, — по просторам Средней Азии, от Красноводска до Оренбурга, по Ашхабадской, Ташкентской и Оренбургской железным дорогам. Хорош тепловоз и в зонах сурового климата: ему не опасны большие морозы с ветром, которые страшны паровозу.

Если учесть все эти преимущества тепловозной тяги, получатся красноречивые цифры: перевозки выполняются с меньшими затратами труда, денежных средств и материалов. Три тысячи тонн жидкого топлива и больше миллиона рублей сберег в год тепловоз «ТЭ-2» на одном только участке Кандагач — Саксаульская Оренбургской дороги.

Поднимемся по отвесной лестнице в кабину машиниста. Удобный круглый стул, рукоятка контроллера, система кнопок, стекла с трех сторон... Огромная масса энергии послушна сидящему здесь человеку. Ставя ручку контроллера в определенное положение, машинист задает тепловозу задачу, которую автоматически, без вмешательства человека, решают сложные устройства и аппараты. Работа их так верна и умно рассчитана, что на них без риска можно положиться. Вот путь пошел в гору. Большая нагрузка, и двигатель, не справляясь с ней, теряет обороты. Это сразу почувствовал центробежный регулятор и пришел на помощь. Он автоматически увеличивает количество топлива, подаваемого в дизель, и число оборотов остается прежним.

Паровоз и «ТЭ-2» по-разному трогаются с места. Немало надо потрудиться, чтоб получить пар нужного давления, привести в движение колеса паровоза. А «ТЭ-2» пускается в ход простым нажатием кнопки.

Но как ни хорош «ТЭ-2», мысль людей, привыкших дерзать и творить, пошла дальше. В дни, когда страна готовилась встретить XIX съезд партии, конструкторы завода вновь склонились над чертежами. Рождался газогенераторный тепловоз «ТЭ-4» — машина такая же мощная, как «ТЭ-2», но работающая на твердом топливе (с небольшой добавкой жидкого). В отличие от паровоза «ТЭ-4» расходует в три раза меньше угля.

Эту сложную задачу, нигде в мире еще не решенную, диктовали советским людям возросшие требования железнодорожного транспорта, стремление экономить дефицитное жидкое топливо, чтобы освободить его для других нужд нашего хозяйства.

Позади был огромный опыт: «ТЭ-1» и «ТЭ-2». Поэтому, создавая новую машину, конструкторы использовали не только последние достижения передовой советской науки и техники, но и целые узлы и агрегаты серийного тепловоза «ТЭ-2».

Первые газогенераторные тепловозы были построены по проектам Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. Ныне коллектив конструкторов завода под руководством главных конструкторов лауреата Сталинской премии А. А. Кирнарского и Н. Д. Вернера спроектировал газогенераторный тепловоз в два с половиной месяца. В сборочном цехе вместе с рабочими были решены сложные вопросы сборки. В трудных исканиях, в горячем соревновании большого дружного коллектива родилась первоклассная машина.

Сейчас они стоят рядом в сборочном цехе — «ТЭ-2» и новый, готовый к обкатке газогенераторный тепловоз. Здесь, кроме двух тяговых секций, где установлено все силовое оборудование — дизель, генератор, тяговые электродвигатели, — есть еще специальная генераторная секция.

О «ТЭ-2» говорят: «электростанция на колесах», — потому что он сам вырабатывает для себя электрический ток. «ТЭ-4» приготовляет сам для себя еще и топливо. В генераторной секции от сгорания антрацита получается газ, который после очистки и охлаждения под давлением нагнетается в цилиндры двигателя и тут сгорает с небольшой добавкой жидкого топлива. В этом и заключается замечательное свойство «ТЭ-4»: двигатель его может работать на смешанном топливе (75 процентов газа, 25 процентов жидкого топлива). В некоторых случаях, если есть необходимость, тепловоз полностью переходит на жидкое топливо.

Сочетая в себе замечательные свойства своих предшественников, «ТЭ-4» сберегает жидкое топливо, а твердое (антрацит) использует куда более экономно, чем паровоз.

Близок день, когда «ТЭ-4» пройдет положенную ему проверку. Старший мастер сборочного цеха Борис Ершов, слесарь-трубник Иван Серый, молодой электрик Григорий Арбузов, фрезеровщица Александра Саломасова, токарь Николай Газеев, маляр Елена Бабенко, сборщик Иван Баландин — весь большой, славно потрудившийся коллектив, провожая его в дорогу, скажет:

— Счастливого пути!

Пламенный борец за мир

15 января в Свердловском зале Кремля в присутствии многочисленных представителей советской общественности была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами» деятельнице Федерации бразильских женщин Элизе Бранко.

На вручении премии Элизе Бранко присутствовала гостящая в Советском Союзе делегация Бразилии во главе с лауреатом международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Жоржи Амаду.

Собравшиеся тепло приветствовали представителей бразильского народа, вносящего свой вклад в дело защиты мира во всем мире.

На снимке (слева направо): Н. С. Тихонов, Ж. Амаду, И. Г. Эренбург, академик Д. В. Скобельцын, Элиза Бранко, К. М. Симонов, Н. В. Попова.

Фото Дм. Бальтерманца

Премия народов

Э. Буксбаум поздравляет Элизу Бранко с вручением ей международной Сталинской премии.

В беседе с корреспондентом «Огонька» председатель Национального комитета борьбы против военного соглашения между Бразилией и США, глава бразильской делегации на Конгрессе народов в Вене, генерал Эдгар Буксбаум рассказал:

— Весть о присуждении международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» нашей замечательной соотечественнице застала нас в Вене. Десятки и сотни совершенно незнакомых людей останавливали нас на улицах, приходили в гостиницу, чтобы от всей души поздравить Элизу Бранко и нас, ее товарищей. Среди этих людей были жители Африки и Америки, европейцы и азиаты; они говорили на разных языках, имели различные политические убеждения, исповедовали разные религии, представляли все слои общества. Но все они говорили об одном: о глубоком удовлетворении постановлением Комитета по международным Сталинским премиям, о своих горячих пожеланиях успеха бразильским борцам за мир.

Не могло быть лучшего доказательства, что международная Сталинская премия мира — это награда, идущая не только от всего советского народа, но поистине от всех народов мира, чьи представители только что на Венском конгрессе сказали свое решительное НЕТ войне!

Бразильский народ удостоен великой чести. За последние два года его сын, всемирно известный писатель Жоржи Амаду, и его дочь, простая женщина из Сан-Пауло Элиза Бранко, награждены великой премией народов. Это значит, что миролюбивые народы признают большой вклад моих соотечественников в великое и благородное дело борьбы за мир. А что может быть выше признания народов! Оно придает новые силы нашему движению сторонников мира, оно убеждает колеблющихся, дает веру сомневающимся.

Я и мои товарищи уверены, что присуждение международной Сталинской премии Элизе Бранко увеличит армию сторонников мира в Бразилии. Перед бразильскими патриотами стоят большие и трудные задачи. Надо вовлечь в движение за мир все слои бразильского народа. Предстоит упорная борьба против кабального военного соглашения, которое стараются навязать нашей стране Соединенные Штаты Америки. Нельзя допустить и впредь отправки хоть одного бразильского солдата на кровавую бойню в Корее. Мы убеждены, что все трудности, стоящие на пути сторонников мира и национальной независимости Бразилии, будут преодолены. Вслед за Элизой Бранко мне хочется сказать: никогда, никогда наш народ не будет участвовать в агрессивных войнах против других миролюбивых народов!

Венский конгресс народов и его решения, единодушно одобренные людьми самых различных убеждений, доказывают со всей очевидностью, что можно мирным путем разрешать разногласия между странами и мир во всем мире может быть сохранен и упрочен.

Международная Сталинская премия мира, которой удостоилась я, а вместе со мной мужественный бразильский народ, послужит стимулом для сторонников мира в моей стране. Как только я возвращусь на родину, мы вместе с товарищами развернем большую работу по подготовке Всемирного конгресса женщин. На этот Конгресс бразильские женщины пошлют большую представительную делегацию, которая будет включать делегатов от всех социальных слоев населения. Они поедут на Конгресс с наказом от нашего народа: усилить борьбу в защиту прав женщин, отстоять жизнь наших сыновей!

Мне выпало счастье побывать в Советском Союзе, увидеть многие города, заводы, фабрики, колхозы, школы и театры. Мы видели, как счастливо и зажиточно живет советский народ под руководством своего великого вождя. В Советском Союзе существует действительно самый счастливый, самый справедливый строй в истории человечества.

Перед отъездом мне хочется пожелать советским людям большого счастья во всем, хочется пожелать, чтобы их мирная жизнь ничем не была нарушена.

Elisa Branco Batista

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Элиза Бранко.

ХОЗЯЕВА ВРЕМЕНИ

Токарь Нина Юшина (в центре) показывает молодым стахановцам Л. Шувалову и А. Маркиной приемы скоростной обработки детали.

Фото К. Иванова

Есть своеобразная красота, даже изящество в том, как Анастасия Малютина и Нина Юшина работают у станка. В каждом движении их рук ощущается размеренность и внутренний ритм. Они делают свое дело быстро, с веселой легкостью, свойственной обычно тем, для кого профессия стала жизненным призванием. Токарным искусством двух подруг приходят любоваться из других цехов завода «Красный пролетарий».

Нина Юшина и Анастасия Малютина (их портреты мы даем на обложке этого номера) принадлежат к таким людям, которые никогда не удовлетворяются достигнутым. Выражением этого беспокойного чувства и явилось движение, начатое по их инициативе. Оно получило краткое наименование — сокращение производственного цикла.

Кто эти девушки, сказавшие новое слово в промышленности? В их судьбе много общего. Анастасия родилась в деревне Дурулино, Калининской области. Детство Нины прошло тоже в колхозе, в рязанском селе. С ранних лет они видели, что труд — это великое мастерство, одухотворенное большой идеей.

Война застала девушек в Москве, и обе решили стать к станкам. Малютина пошла в школу фабрично-заводского обучения № 1, Юшина — в 61-е ремесленное училище. В первый механический цех «Красного пролетария» молодые токари попали почти в одно время, сразу же подружились, вместе работали в комсомольском бюро.

Восприимчивые ко всему новому, они ко всякому стахановскому начинанию относились, как к своему родному делу. Комсомолки были среди тех, кто первыми пустили станки на невиданные скорости, стали применять керамические резцы. Их инициатива вобрала в себя все, накопленное стахановской практикой.

Как-то в сборочном цехе забили тревогу: собрать сверхплановые станки нельзя, так как рычаги задержались в первом механическом цехе. Нина Юшина, которая обрабатывает эти детали, побежала к начальнику цеха Романову.

— Что же получается, Виктор Алексеевич? — от волнения ее певучий говорок пропал, и она выпаливала слова! — Работаешь, рук не жалеешь, думаешь, детали ждут на сборке, а тут на тебе — застряли где-то...

Случай этот заставил каждого взыскательнее посмотреть на свою работу. Если детали будут «транзитом» следовать по всем участкам производственного цикла, если нигде не будет заминок, тогда они быстрее попадут в цех сборки.

Эти мысли, с которыми Анастасия Малютина и Нина Юшина пришли к секретарю партийного бюро, были первыми искорками. Коммунисты не дали им погаснуть. По предложению партийной организации стахановцы вместе с инженерами и технологами внимательно изучили возможности каждого участка и решительно заявили: есть новые, еще не пущенные в ход резервы повышения производительности труда!

Так ответили молодые коммунистки на решения XIX съезда партии, в которых записано: в новой пятилетке увеличить выпуск крупных металлорежущих станков в 2,6 раза. В соревнование за сокращение производственного цикла включились тысячи стахановцев.

Теперь, когда идея, высказанная Ниной Юшиной и Анастасией Малютиной, обрела законченные формы массового движения, краснопролетарцы внесли существенные поправки в свои обязательства. В этом году они решили сделать почти вдвое больше станков, чем в 1950 году, хотя рабочих в цехе стало меньше. Уже сейчас производственный цикл изготовления деталей сократился почти наполовину.

Как пояснить это? Когда с подобным вопросом обращаются к начальнику цеха В. А. Романову, он обычно приглашает пройти на участок, заглянуть, по его выражению, «в душу живого дела». Что ж! Воспользуемся предложением, пройдем следом за одной деталью.

Деталь эта — шестерня шпинделя станка. Свой длинный путь она начинает в кузнечном цехе. Еще недавно шестерни привозили оттуда на тачках и сваливали у ворот первого механического цеха.

— Мороки с ними было! — рассказывает Виктор Алексеевич.— Рабочие разбирали их, сортировали в кучки, потом подносили к станкам. А теперь...

В ворота въехал электрокар, подвез металлические коробки с шестернями. Над нашей головой прогрохотал мостовой кран, рабочий зачалил коробку, и кран бережно перенес ее к сверлильному станку.

Шестерни у сверловщицы Нади Пыжовой. На обработку каждой детали прежней, грубой штамповки уходило 3 минуты. Теперь, когда шестерни штампуют по-новому, сразу с выемами, стахановка сверлит отверстие за полторы минуты.

Последуем за деталью дальше. Не на руках подсобниц, а по валикам рольганга она перебирается на револьверный станок. Револьверщик коммунист Владимир Иванов тоже не остался в стороне от общего дела: он объединил в одну операцию расточку и обработку выточки и теперь деталь значительно быстрее отправляется дальше, к комсомольцу Петру Галанову, работающему на многорезцовом станке с самозажимной оправкой собственной конструкции.

— Теперь ему не надо возиться с деталью,— говорит Романов. — Завернул винт — и шестерня схвачена намертво. Пять резцов одновременно вгрызаются в металл. Уже не 23, а всего 2 минуты длится эта операция!

Следующий этап — обработка на токарно-винторезном станке. Стахановец Иван Викторов добился, что и его участок деталь проходит быстрее.

Пока мы идем на соседний, зуборезный участок, наши детали уже там, они не томятся в ожидании оказии, как прежде называли тачку. Автокары и роликовый конвейер «везут» шестерни по цеху, точно соблюдая новое «расписание движения». С зуборезного участка они до недавнего времени совершали далекое и утомительное путешествие в термический цех. Теперь деталям не надо отправляться за тридевять земель, чтобы пройти закалку. Термическая печь под боком. Пройдя ее, шестерни попадают, как говорится, из огня да в полымя — под взыскательное и суровое око контролеров.

— Вот и прикиньте,— как бы обобщил все виденное нами В. А. Романов,— сколько народу приложило свои руки, пораскинуло умом, чтобы ускорить изготовление деталей. Новое движение потому так широко и распространилось, что оно втягивает всех, кто хочет работать быстрее и лучше.

...С первых дней нового года Нина Юшина и Анастасия Малютина, как и многие их товарищи, работают на станках, о которых известный токарь Павел Быков как-то сказал, что в них воплощены все мечты скоростника. И девушкам пришлось засесть за книги, чтобы скорее освоить неведомые режимы резания металла.

Много забот у молодых новаторов. Анастасия вечерами занимается в школе рабочей молодежи. Нина готовится держать экзамен в техникум. Они часто выступают на совещаниях стахановцев, встречаются с рабочими других предприятий, пишут ответы на письма — их пришло уже более 6 тысяч,— делают все, чтобы как можно больше рабочих увлеклось новым делом.

Свободное время подруги посвящают работе над книгой. В ней они расскажут о своей жизни, о новаторской инициативе, ставшей делом миллионов.

Вор. МИХАЙЛОВ

Воронеж строится!

25 января 1943 года старый русский город Воронеж был освобожден от гитлеровских захватчиков.

Когда гитлеровские банды были выброшены из Воронежа, обер-враль Геббельс нагло заявил: для восстановления города потребуется не менее ста лет.

Пустая и злобная болтовня!

Воронежцы вдохнули жизнь в мертвый камень. Негде было жить — селились семьями в подвалах и блиндажах. Строили примитивные печурки. Стеклами служила промасленная бумага, трубой — согнутый лист обгорелого железа. В метель и стужу горожане расчищали улицы от завалов, монтировали заводское оборудование, налаживали работу хлебопекарен и столовых.

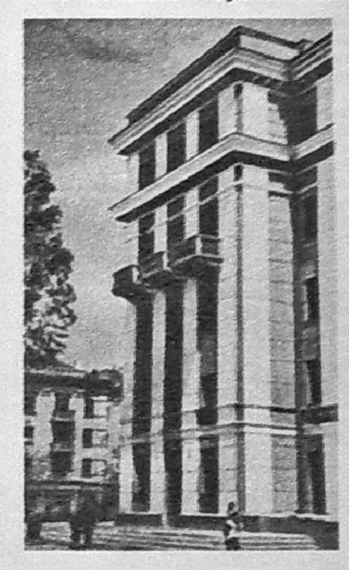
В городе погибли все схемы подземных сооружений. Водопроводчики восстановили их по памяти. Через месяц они дали населению воду...

Только за последние три года государство израсходовало на возрождение и благоустройство Воронежа более 370 миллионов рублей. За десять лет в городе восстановлено и построено заново несколько тысяч домов общей площадью в один миллион триста тысяч квадратных метров.

Строительные леса стали наиболее типичной чертой городского пейзажа. В одном месте их только возводят, в другом — на них работают каменщики, штукатуры, маляры.

По новой планировке, разработанной группой советских архитекторов под руководством академика архитектуры Л. В. Руднева, старый русский город становится одним из красивейших в Российской Федерации.

Проспект Революции — гордость воронежцев. В центре проспекта высится величественное здание Управления Юго-Восточной железной дороги, занимающее площадь в три гектара. Реконструируются улицы Плеханова, Кирова, Фридриха Энгельса, Карла Маркса. Меняется облик площади, носящей имя славного советского военачальника генерала Черняховского. Здесь продолжается строительство вокзала. Неузнаваемыми становятся и многие другие улицы и площади, на которых воздвигаются новые жилые дома, школы, разбиваются парки и скверы.

В Сталинском районе Воронежа. Новое здание по улице Героев стратосферы.

Фото Т. Копелиович

В городе работают десятки школ, Государственный университет и шесть институтов, пятнадцать техникумов и специальных учебных заведений, где получают высшее и среднее образование свыше двадцати тысяч юношей и девушек.

Ф. ВОЛОХОВ.
А. ГРИДЧИН

Новый театр в Ашхабаде

Фото В. Дунина

Столица советского Туркменистана в лесах новостроек. В истекшем году поднялись корпуса жилых домов, новых общественных и культурно-бытовых зданий, построены гостиница, центральный универмаг, первая очередь кинотеатра «Ашхабад», закладываются фундаменты Туркменской академии наук, русского драматического театра.

Ныне завершено сооружение красивейшего здания Ашхабада — Туркменского драматического театра имени И. В. Сталина. Новый театр отличается оригинальным внешним оформлением, богатством внутреннего убранства. Потолки и стены украшены художественной лепкой, национальным туркменским орнаментом.

Состоялось первое представление в театре — показан спектакль «Чопан оглы» («Сын пастуха») местных драматургов Г. Мухтарова и К. Сейтлиева.

В. ВЕКЕТОВ

ТЕПЛО ИДЕТ ПО ТРУБАМ

Широкий размах принимают работы по теплофикации Минска. Трубы протянулись под многими улицами белорусской столицы. От них идут домовые вводы.

Тепло поступает в рабочие поселки Тракторного и Мото-велосипедного заводов. Все предприятия, расположенные по улице Ворошилова и частью по Могилевскому шоссе, также теплофицированы.

Сейчас прокладка магистралей идет в центре города — на улицах Карла Маркса, Красноармейской и Ленинской. В числе крупных потребителей тепла — республиканская партийная школа, Театр имени Янки Купалы.

План реконструкции и строительства проспекта имени Сталина предусматривает теплофикацию расположенных на нем домов. Магистраль с улицы Карла Маркса подведет тепло к одному из крупнейших городских зданий — Дому правительства.

С. ВЕРШИНИН

Лифтами управляет диспетчер

Пассажир вошел в лифт. Он нажал кнопку, однако подъемник остался на месте.

— Закройте, пожалуйста, плотнее дверь,— внезапно послышался голос из репродуктора.

Поднимаясь на седьмой этаж, пассажир вел из кабины по радио разговор с невидимым «лифтером». Человек впервые попал в этот дом, и ему по радио разъяснили, как найти квартиру его знакомых, живущих здесь.

В доме № 17 по улице Горького действует десять лифтов, но обслуживают их в каждую смену всего лишь два человека — диспетчер и его помощник. Находится диспетчер в отдельной комнате. Перед ним пульт управления с разноцветными лампочками. Глядя на них, он определяет, на каком этаже находятся лифты, исправны ли они. На пульте имеются рычаги управления. После того как пассажир выйдет из кабины, диспетчер возвращает ее на первый этаж.

За пультом управления лифтами в доме № 17 по улице Горького.

В скором времени во многих крупнейших жилых зданиях Москвы будет введено такое централизованное управление лифтами.

А. РУБИНОВ

Успех таланта и мастерства

Народный артист СССР Г. В. Александров.

Уменье найти прямой путь к сердцу зрителя — особенность разностороннего дарования народного артиста Советского Союза, кинорежиссера Г. В. Александрова, чей 50-летний юбилей отмечает в эти дни советская общественность.

Полвека жизни — это обычно двадцать пять — тридцать лет работы в искусстве. Но у Г. В. Александрова иной счет. Девятилетним мальчиком он пришел в театр. Первые его должности были скромны — рассыльный, помощник бутафора, гримера, электротехника. Потом он освоил профессию киномеханика, попутно учился в музыкальной школе и в 1917 году окончил ее по классу скрипки. В годы гражданской войны Г. В. Александров был режиссером фронтового театра. Занимался он и перемонтажем фильмов для различных киноорганизаций.

Все это множество разнообразных профессий, освоенных Г. В. Александровым в молодости, помогло ему впоследствии в многосложной профессии кинорежиссера.

В 1923 году, начав работу с выдающимся советским кинорежиссером С. Эйзенштейном, Г. В. Александров окончательно связывает свою судьбу с кино.

В фильме «Броненосец Потемкин» Г. В. Александров выступает не только как актер, но и как один из режиссеров этой замечательной картины.

Но впервые по-настоящему встретились зрители с Александровым и узнали его по фильму «Веселые ребята» — веселой, полной песен и остроумных выдумок музыкальной комедии.

В «Веселых ребятах» прозвучала основная тема творчества Александрова — вера в талантливость русского народа, перед которым открыты в Советской стране все пути-дороги.

После «Веселых ребят» за Г. В. Александровым утвердилась слава режиссера чисто комедийного фильма. Но уже следующая картина, «Цирк», открыла новые грани таланта Александрова. Это была драматическая история американской актрисы, ставшей жертвой расовой дискриминации в США. Свою вторую родину несчастная изгнанница обрела в братской семье советских народов. В этом фильме впервые прозвучала одна из любимейших песен советского народа — «Широка страна моя родная».

Вдумчивым кинопублицистом показал себя Г. В. Александров, когда ему был поручен документальный фильм «Доклад товарища Сталина о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов».

В фильме «Волга-Волга» мы встретили Александрова-сатирика, обличителя бюрократизма и самодурства. В сказке-были «Светлый путь», новом варианте «Золушки», перед зрителем прошла биография простой советской девушки, ставшей знатным человеком нашей страны.

Политически глубоко и остро решен Г. В. Александровым фильм «Встреча на Эльбе», где благородство и гуманизм советских людей, принесших человечеству избавление от гитлеризма, противостоят хищничеству и авантюризму американских оккупантов.

В картинах Александрова все кажется удивительно легким, блестящим. Но в том, сколько упорного труда скрывается за блеском и легкостью этих произведений, я убедился, встретясь с Г. В. Александровым в практической работе по фильму «Композитор Глинка», где мне была предложена заглавная роль.

Кипучая энергия, сочетающаяся с исключительной выдержкой, внимательность к человеку, простота в обращении — из этих черт складывается обаяние Александрова, о котором так часто говорят люди, с ним работающие. Но самое ценное в нем — это яркое дарование, обогащенное высоким профессионализмом. Опытный кинодраматург, талантливый постановщик, наделенный богатой фантазией, он в то же время и педагог-воспитатель. Плодотворно трудится он и с композиторами. Нет «секретов кино» для Александрова, отлично знающего технику.

Весь свой талант, опыт, мастерство вложил Александров в создание фильма «Композитор Глинка». Он мечтал о том, чтобы величественные звуки гимна Глинки «Славься, народ!» с новой силой прозвучали с экрана, прославляя не только гениального композитора, но и великий русский народ, который дал человечеству этот могучий талант.

К своему пятидесятилетию Г. В. Александров приходит полным творческих сил. Он занимается воспитанием молодых кинематографистов во ВГИК, ведет многообразную общественную работу и готовится к новым постановкам, которых с нетерпением и интересом ждут зрители.

Борис СМИРНОВ

Защитник народа

К 75-летию со дня рождения А. Х. Таммсааре

А. Таммсааре принадлежит к тем прогрессивным эстонским писателям конца прошлого и начала двадцатого века, которые своим острым пером смело обличали буржуазное общество.

Родившись в крестьянской семье, А. Таммсааре рано познал всю горесть этого обездоленного, беззащитного класса, научился понимать, кто является истинным виновником угнетения, которому подвергается его родной народ. Это отложило отпечаток на все его творчество.

Литературная деятельность А. Таммсааре начинается в 1900 годах. Уже в первый период творчества Таммсааре выступает как непримиримый враг буржуазии, защитник интересов простого народа. В лучшем произведении того времени, повести «Старики и молодые», он рисует правдивую картину нищенского существования крестьян, которых жестоко эксплуатируют кулаки, чиновники и попы. Молоток аукциониста всегда висит над незащищенной головой сельского труженика. И хотя автор не приходит здесь к каким-нибудь широким обобщениям социальных причин, тем не менее читатель ясно видит все убожество жизни, описанной в этой повести.

Главный труд Таммсааре, в котором проявились все его лучшие качества как критического реалиста,— это пятитомный цикл романов «Правда и право», написанный в 1926—1933 годах. В этом монументальном труде в яркой художественной форме показаны представители разных социальных слоев общества: крестьян, пролетариев, интеллигенции и буржуазии. Полвека охватывается в этом произведении. В романе безжалостно разоблачается эстонская буржуазия, которая предала свой народ и отдала материальные и культурные ценности страны на разграбление иностранным империалистам. Ради своего кумира — золота — эстонская буржуазия была готова на все. Автор выводит в лице Кэегертала одного из ярких представителей буржуазии, который беззастенчиво заявляет: «...Я — царь, я — религия...» А. Таммсааре показывает и конец подобных хищников. Устами главного героя Индрека Паас он заявляет, что все эти дельцы неизбежно пойдут на дно, придет время, и они ответят за все свои преступления.

Многое было неясно для Таммсааре: он не был знаком с идеями марксизма, не разбирался в законах общественного развития и поэтому, естественно, не смог показать революционного пути, по которому должен идти эстонский народ. Герои Таммсааре протестуют против насилия, и страшен выведенный из терпения крестьянин, но выступление его показывается автором как стихийное.

А. Х. Таммсааре.

А. Таммсааре не дожил всего нескольких месяцев до того дня, когда эстонский народ, сбросив ярмо деспотизма, навсегда обрел свое счастье и радость в полноправной семье братских народов Советского Союза.

Страшная картина угнетения, нищенской жизни эстонского народа встает перед нами со страниц произведений Таммсааре и заставляет еще сильнее ненавидеть насквозь прогнивший капиталистический строй, несущий народам войну, голод и смерть.

А. ТАММ

Памяти писателя-воина

Это было в один из ноябрьских дней 1943 года. Советские войска, громя гитлеровских захватчиков, гнали их на запад. Под деревней Туркин-Перевоз, Великолукской области, вблизи границы с Белоруссией, разгорелся ожесточенный танковый бой. В этом бою пал смертью храбрых военный корреспондент, писатель, депутат Верховного Совета СССР Владимир Петрович Ставский — автор книг «Станица», «Разбег», рассказов и очерков.

В. П. Ставский был похоронен в Великих Луках. Недавно здесь состоялось открытие памятника на могиле воина-писателя.

На митинг, посвященный открытию памятника, собрались трудящиеся Великих Лук — рабочие, служащие, студенты, школьники. На могилу были возложены венки.

Л. ГУРОВ

На снимке: обелиск на могиле В. П. Ставского. Фото В. Козлова

Конькобежцы - фигуристы

В Москве, на стадионе «Динамо», в течение трех дней происходил показ спортивного мастерства конькобежцев-фигуристов Советского Союза, Венгрии и Чехословакии. Десятки тысяч москвичей с интересом смотрели выступления спортсменов.

Воспитанниники школы фигуристов московского стадиона Юных пионеров Валя Авилова, Игорь Персиянцев, Таня Лихарева, Олег Симантовский, Ира Голощапова и другие уверенно, с большим изяществом исполнили танцы на коньках. С большим подъемом провели выступление Л. Михайлов и В. Захаров. Запомнилась произвольная композиция Марины Гранаткиной. Советские фигуристы старшего поколения Лидия Герасимова и Юрий Королев искусно выполнили произвольную композицию в парном катанье.

С поразительной легкостью и непринужденностью исполнили сложные композиции, показав высокую технику танца на льду, чемпион Венгрии 1952 года Дьердь Цакко, венгерские фигуристы Марианна и Ласло Надь, Эстер Юрек, чехословацкие спортсмены Софья Болунова, Милослав Болун, Ярмила Кенигова и другие.

Наибольший успех выпал на долю двенадцатилетней спортсменки Чехословакии Индры Крамперовой, уверенно вычерчивавшей на льду красивые фигуры.

Советские, венгерские и чехословацкие фигуристы исполнили «Вальс дружбы», символизирующий укрепление дружбы спортсменов СССР и стран народной демократии.

«Вальс дружбы».

Софья Болунова и Милослав Болун (Чехословакия).

Эстер Юрек (Венгрия).

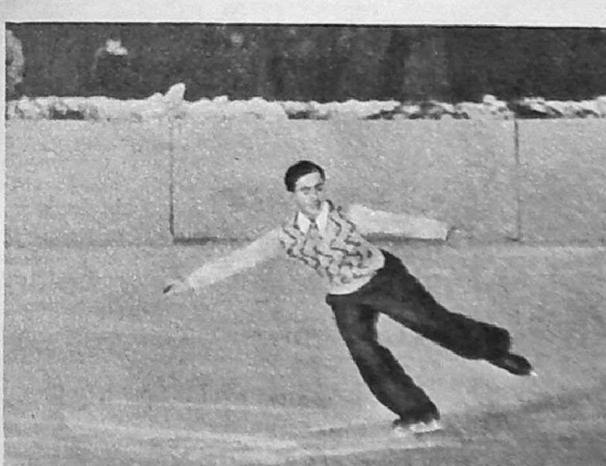

Ира Голощапова (СССР).

Марианна и Ласло Надь (Венгрия).

Фото Е. Умнова и А. Бочинина

Олег Симантовский (СССР).

Индра Крамперова (Чехословакия).

АЛБАНСКИЕ РАССКАЗЫ

Георгий ГУЛИА

Рисунки О. Верейского

Семейство Агрóна Кóноми

Агрóну Кóноми льют воду на лицо, и он с трудом приходит в себя. В ушах стоит звон. Левый глаз заплыл, виски нестерпимо болят...

Кто-то наклоняется и заглядывает в глаза Агрону — будто черная тень заслоняет небо. «Живой»,— слышится Агрону, и он улавливает чужую, грубую речь.

— Старик, поговори с этими сумасшедшими женщинами!

Агрон горестно вздыхает. Так и есть: перед ним турки! Теперь ясно все: битва проиграна. Вот и дым стелется по земле — это горит село...

Сознание окончательно возвращается к Агрону Кономи.

— Эй, старик! — расталкивает его усатый турок.— Поднимайся, да поживее! С тобой будет говорить сам Гассан-паша.

Агрон будто прижат к земле. Он бледный и тонкий, словно сухой дубовый лист. Ему стóит огромных усилий приподняться на локтях.

А кто это рядом? Василий, старший сын, Василий Кономи. Голова у него вся в крови. Василий желт, как и земля, к которой он в последний раз прильнул небритой щекой.

А вон и Фатбáрд. Кажется, что он спит. Зубы у него стиснуты, холодные кулаки сжаты.

Где же Дмитѐр? Где юный Дмитер?

Агрон шарит вокруг беспокойным взглядом. Вот и Дмитер: он раскинул крепкие руки и похож на орла, который вот-вот поднимется в воздух.

Агрон продолжает отыскивать взглядом своих родных.

— Все со мною,— говорит наконец Агрон, пересчитывая мертвых.

Верно, погибли все мужчины из семьи Кономи, сражаясь против врага. И лежат они, безмолвные, но гордые, именно гордые,— так кажется старику.

Гассан-паша молод, он весь обвешан оружием. Кривая сабля блестит позолотой. На голове у него яркокрасная феска, а шелковый кушак Гассана-паши длиною, должно быть, не менее двенадцати локтей. Гассан-паша надменен, ибо он победитель, а Кономи в его глазах — ничто, побежденный, жалкий землепашец...

Гассан-паша говорит:

— Как звать тебя, старик?

— Меня? Да разве ты всех упомнишь? Зови просто албанцем,— отвечает Агрон.

Гассан-паша улыбается, неторопливо покручивает длинные, каштанового цвета усы.

— Сколько тебе лет, старик?

— Семьдесят.

— В эти годы, старик, люди должны заботиться о семье... Вот взгляни на этих слабоумных и подай им достойный совет.

На краю глубокой пропасти сгрудились женщины. Их тридцать шесть — почти вся женская половина семьи Агрона Кономи. Женщины молчат, перепуганные дети жмутся к ним.

По щекам старика Кономи сползают две слезы.

— Джýле... хозяюшка... — зовет Кономи свою супругу.

Старуха стоит среди женщин, словно пчелиная матка, окруженная пчелами.

— Я слушаю тебя, — говорит старуха. Лицо у нее неживое, голос незнакомый.

— Где наши мальчики, Джуле? — спрашивает старик. Он хочет, чтобы турки знали: всё случилось так, как должно было случиться, и ни один мужчина из семьи Кономи не сдался врагу живым.

— Возле тебя наши мальчики.

— Все?

— Все!

— А внуки?

— Рядом с ними.

— Слава богу, — шепчет Кономи, — слава богу.

Он обводит мутным взглядом дорогие лица дочерей, невесток, внучек... Холодный пот проступает на его лбу...

— А где же Мира?.. Где Нина? — говорит старик, откашлявшись.— Я не вижу их.

Старуха дает понять кивком головы: они в пропасти.

— Как? И Мира и Нина?

— Обе,— отвечает старая Джуле.

— Узнаю характер Кономи! — восклицает старик. У него кружится голова, и он падает наземь.

Его грубо тормошат турки:

— Старик, с тобой разговаривает сам Гассан-паша! Перед ним полагается стоять!

И Кономи встает. Агрона пошатывает, словно былинку ветром.

— Старик! — говорит Гассан-паша, и усы у него грозно шевелятся, а глаза делаются узкими и злыми.— Эти женщины потеряли рассудок... Слышишь? Они стоят на краю пропасти и при нашем приближении прыгают со скалы.

Ты можешь сохранить им жизнь — это в твоей власти.

— Стало быть, они не повинуются великому Гассан-паше?

Кономи резко поворачивается к женщинам. Самой старшей из них шестьдесят пять. Самой маленькой внучке пять лет. Агрон отыскивает девочку в толпе, и еще две слезы скатываются по его щекам... И снова взгляд задерживается на старой Джуле...

Джуле прошла с ним длинный, полувековой путь. Все бывало на этом пути: голод и холод, несчастья и радости. А теперь всему: и радостям и горю — приходит конец.

Агрону Кономи хочется утешить каждую из тех, кто стоит на краю жизни. Но где взять слова утешения? Вот Ли́ри — мастерица утешать. Где же любимая Лири? Это в честь побед полководца Скандербега назвали внучку Лири, что значит «свобода». Где же Лири?.. А жених ее, должно быть, уже отдал душу богу. Село горит, и он, наверное, погиб, как настоящий человек...

Вот она, Лири, стоит рядом с бабушкой. Она обнимает старую Джуле за плечи. Лири всего восемнадцать лет...

Гассан-паша тоже глядит на Лири. Взгляд его похотлив, ноздри раздуваются широко, точно им воздуха недостает...

Кономи скрежещет зубами и незаметно проводит рукой по своему широкому кушаку в надежде нащупать пистолет или нож. Но пистолета нет и в помине, нет и ножа!

Старик обращается к женщинам:

— Хочу сказать несколько слов... Село наше погибло. Ни один мужчина не опозорил себя пленом. И перед вами не я, а моя тень. Бог пересчитал все наши души, все, до единой! И он не допустит, чтобы там, на небе, не оказалось и моей. Ну, а вам можно и пожить. Нет, отчего же, вполне можно...

В семье Кономи не полагалось прерывать старшего. Этот обычай соблюдается и сейчас над бездонной пропастью.

Кономи проводит тыльной стороной руки по лбу и продолжает:

— Гассан-паша великодушен. Поверьте мне. Он пришел издалека. Из самого Стамбула. Он очень устал. Соскучился по женщинам... А село наше сгорело, мужчины наши погибли... А Гассан-паша добр. И он любит женщин... Вам надо жить...

— Замолчи! — кричит старая Джуле, и еще теснее сжимается круг дочерей, невесток, внучек.

Гассан-паша хмурится.

— Старик прав, — говорит он. — Не перебивай его, старуха!

— Вам надо жить, — повторяет Кономи. — Верно говорю?

В ответ зловещее молчание.

— Вот ты, Лири, отвечай мне.

И Лири отвечает: медленно разжимает она руки, обхватывающие бабушкины плечи, — миг! — и летит в пропасть, летит, словно там, внизу, пуховая постель.

Кономи пожимает плечами:

— А ты, старая, мудрая Джуле? Что скажешь ты?..

Старая Джуле спокойно делает шаг назад. И еще один шаг. И Джуле летит в пропасть вслед за своей Лири...

Гассан-паша разгневан.

— Они сошли с ума! — рычит он, и вся окрестность оглашается его бессильной бранью.

А старый Кономи улыбается, правда, через силу, но улыбается. Нет, неплохая у него семья!

Гассан-паша теряет терпение. Он приказывает своим воинам:

— Удержите этих безумиц!

Турки делают движение, только один шаг — и в ту же секунду женщины из семьи Агрона Кономи, будто стая птиц, оказываются в воздухе и летят в пропасть. Только легкая белая шаль остается на земле — шаль любимицы Лири.

Старик, пошатываясь, идет к этому куску белой материи, поднимает с земли и целует... И он уже не видит ни Гассана-паши, ни остолбеневших турок с кривыми саблями, ни дыма пожарищ, ни синего неба, ни горного края сухих камней — милого Курвелеша...

...Это случилось в теплый апрельский день тысяча четыреста шестьдесят седьмого года.

Рядовой На́е Требеши́на

На́е Требеши́на вышел из казармы, пригладил пальцами короткие черные усики и по привычке глянул на море. Куда же глядеть солдату морской пехоты, как не на море?

И Нае не поверил своим глазам. Он протер их кулаками: может быть, это зрение обманывает его?

«Нет, ошибки тут никакой!» — подумал Нае.

Он постоял неподвижно, внимательно прислушался: все тихо, спокойно. Совсем недалеко Ду́ррес. До него рукой подать. Но и в городе, как видно, спокойно в это утро 7 апреля 1939 года. Спокойно и в весеннем

воздухе. Спокойно и в сосновой роще. Спокойно и на море: Адриатика бесшумно катит светлозеленые волны.

— Прэнк! Прэнк! — кличет Нае своего друга. — Со мной, должно быть, творится что-то неладное.

Прэнк — коренастый моряк с грудью тяжелоатлета. Он неторопливо показывается в дверях дежурки. И лицо его — широкое и скуластое — вдруг вытягивается от удивления.

— Клянусь будущей тещей, — говорит Прэнк, — это эскадра... С визитом, что ли?

— Корабли итальянские, — говорит Нае, — а в порту никаких флагов. Что же это такое?

Прэнк перечисляет корабли:

— Линейный корабль... Эскадренные миноносцы... Подводные лодки... Транспорты... Торпедные катера...

Нае всердцах сплевывает:

— Что же это такое, Прэнк?

Не дожидаясь ответа, Нае срывается с места и мчится в дежурку. Он звонит командующему гарнизоном. К аппарату долго не подходят.

— Алло! — слышится наконец в трубке. — Кто это?

— Господин полковник?

— Спрашиваю я: кто говорит со мной?

— Рядовой Требешина из морской пехоты.

— Что вам угодно? Собственно говоря, почему звоните вы, а не дежурный офицер?

— Извините, господин полковник...

Нае вешает трубку и бросается на поиски дежурного. Но щеголя-лейтенанта нет в казарме.

— Ребята! — раздается голос Нае. — Дежурного к телефону!

Однако дежурного не удается отыскать.

Тем временем корабли выстраиваются на рейде, а тяжелый транспорт входит в порт. Над Дурресом низко пролетают двухмоторные бомбардировщики...

Нае снова звонит по телефону:

— Извините, господин полковник. Дежурный отсутствует. Разрешите доложить?

— Ну, в чем дело? Поскорее! — голос у полковника сиплый, тон недовольный.

— На рейде эскадра. Военный транспорт уже вошел в порт... Корабли иностранные, господин полковник...

— Что значит «иностранные»?

— Итальянские, господин полковник.

— Так что же?

— Орудия направлены на берег, господин полковник...

— Какие орудия?

Нае багровеет от нарастающего возмущения.

— Орудия корабельные, господин полковник, — отвечает Нае, сдерживая гнев.

— Так что же?

— Имею честь доложить: так не положено иностранным...

— Дурак! — доносится по проводам издалека. — Погоди, сейчас с тобой поговорят.

В трубке что-то потрескивает, а потом слышится басовитый голос:

— Алло, у телефона майор Луиджи Доннини... Королевский советник по военно-морским делам.

Нае Требешина плотнее прижимает к уху телефонную трубку. В дежурку набиваются моряки.

— В порту высаживаются войска! — доносится со двора.

— Господин советник! — кричит в телефон Нае что есть мочи. — В порту высаживаются войска! Слышите? Какие будут распоряжения?

Советник кашляет, мычит что-то невнятное. А потом говорит:

— Синьор, первым делом не волнуйтесь. Успокойтесь, и мы все выясним. Оставаться на местах, ничего без нашего ведома не предпринимать. В Тиране все известно... Вам понятно?

— Так точно! — машинально отвечает Нае.

— Синьор, ничего не предпринимать. Это королевский приказ. Вам понятно?

Нае кладет трубку:

— Понятно, чорт побери! Все понятно!

Кто-то в дверях говорит:

— А вот нам непонятно! Где господа офицеры? Где командующий гарнизоном?

Нае вытирает рукавом потное лицо.

— Непонятно? — спрашивает он. — Ты знаешь, что значит оккупация? Если не знаешь, сходи в порт!

Тотчас раздаются возгласы:

— Измена!

— Офицеры улизнули!

Нае цедит сквозь зубы:

— Да, измена... Да, оккупация...

На минуту воцаряется тишина. И в этой тишине звучит голос Прэнка:

— Неужели мы сдадим оружие солдатам Муссолини?.. Неужели?..

Нае выпрямляет грудь, широко расставляет ноги, точно собирается принять на себя всю грозящую опасность.

— Никогда! — говорит он.— Никогда!

И, глядя на лица своих друзей, он произносит тихо, но твердо:

— Объявляю боевую тревогу. Вопреки им!

И он указывает пальцем куда-то в угол. Но все понимают: это он о короле и офицерах! Нае еще раз повторяет:

— Объявляю боевую тревогу!

И моряки, словно заранее сговорившись, отвечают коротко:

— Есть боевая тревога!

И через несколько минут перед казармой выстраиваются пятьдесят моряков, вооруженных карабинами.

Нае снова звонит в город, однако станция не отвечает.

— Предательство! — восклицает он и приказывает: — Просигналить катерам: огонь по неприятелю! Живо, Прэнк!

Нае вызывает к себе орудийную прислугу. Ему сообщают, что на пушку оставлено всего два десятка снарядов.

— А где остальные снаряды?

— Вывезены вчера по приказу командующего гарнизоном...

— Проклятье!..

Требешина наспех производит смотр своим друзьям, выстроившимся перед казармой.

— Головы продавать как можно дороже,— говорит Нае. — Кто жалеет свою голову, может выйти из строя.

Моряки остаются на местах.

— За Албанию! — И Требешина подымает над головой туго сжатый кулак. Его примеру следуют все остальные.

И через несколько минут из сосновой рощи, что южнее порта, раздается первый пушечный выстрел. На транспорте, высаживающем пехоту, происходит замешательство. Оно еще больше усиливается, когда второй снаряд ложится прямо на палубу.

А в ответ корабли бьют прямо по роще. Тяжелые снаряды вырывают деревья с корнями, поднимают к небу столбы песка и камня.

Нае приказывает двигаться вперед, к порту: ружейный залп и перебежка, еще залп — опять перебежка...

Требешину поддержали все моряки Дурреса. Их пулеметы уже строчат по итальянскому транспорту, их пушки стреляют прямой наводкой с трех разных сторон.

Итальянские корабли обрушивают на берег тонны смертоносной стали. Вскоре прилетают бомбардировщики и сбрасывают свой груз. Кажется, само полуденное, пылающее жаром небо опускается на землю, грозя испепелить все живое.

Где-то рядом разрывается снаряд, и Нае засыпает землей. У Прэнка во рту черный ком.

— Вкусная,— шутит Прэнк.— Своя земля хороша даже на вкус.

— Верно,— говорит Нае, отряхиваясь.

Моряки продолжают наступать. Пушка отряда Требешины время от времени бьет по транспорту, не причиняя ему, однако, особого вреда.

— Прекратить! — приказывает Нае.— Занять позицию вон за тем холмом! Бить только по пехоте! Беречь снаряды!

Итальянские корабли, развернувшись полукругом, посылают на берег новую сотню снарядов. Они стоят на рейде в полной безопасности и могут стрелять безнаказанно, как на маневрах.

Спустя час из-за моря прилетают еще два десятка бомбардировщиков, а потом еще два десятка, и еще два десятка... Дуррес содрогается от взрывов.

Город, преданный королем Зогу, оставленный офицерами, продолжает обороняться...

Тщательно разработанный план захвата Албании срывается из-за этой досадной задержки в Дурресе. И только тогда, когда потоплен последний албанский катер, когда не остается в строю ни одного моряка, когда и рядовой Нае Требешина падает ничком на сухую землю, генерал Гудзони, командующий итальянской армией вторжения, сообщает по радио в Рим Бенито Муссолини:

«Мой дорогой дуче! Наши доблестные войска, авиация и флот подавили упорное сопротивление в Дурресе. Адриатическая дверь на Балканы широко распахнулась перед нами».

Холм Победы

Это один из многих холмов на юге; ничем особенно он не примечателен. Он покрыт низкорослыми кустарниками. Земля его сыпучая, теплая, как зола, стынущая ночью в очаге.

На вершине холма высокая могила. А впереди, в двух километрах от холма, греческая граница. За нею горы Гра́моса. Они встают суровой и высокой грядою. Это о них поют местные крестьяне-албанцы:

Горы Гра́моса, горы Гра́моса,
Партизанские горы-герои!

В Грамосе теперь американцы и послушные им греческие королевские войска...

У могилы выстроился взвод албанских солдат. Молодой полковник и два офицера сосредоточенно смотрят на черный могильный камень.

Над камнем склонилась женщина в черном. Это старая Назире Беке́ши. Она не видела сына с тех пор, как он ушел в армию,— почти год. Ей кажется, что за это время он сильно вырос: могильный камень такой широкий, длинный...

Рядом с Назире генерал, худой, высокий, с лицом крестьянина, обветренным в горах, опаленным на солнце. Он стоит в скорбном молчании. В руках у него ордена Бесни́ка Беке́ши, который спит в могиле.

Вместе с Бесником лежит его автомат: осколок гранаты повредил оружие, прежде чем пробить сердце Бесника Бекеши.

В то утро Бесник вовсе не думал о смерти.

Солнце показалось над горами, яркое, жизнерадостное. Его лучи спокойно легли на землю.

Бесник залюбовался землей и невольно запел. Впрочем, пел он довольно часто.

Бесник был из Курвеле́ша. Этот край называют «краем сухого камня». Но сердца там добрые и любвеобильные:

Курвелеш — мой суровый край,
И сердце мое из камня,
Но если горько тебе, мой свет,
Иль взгрустнется тебе, мой свет,
Поверь мне: сердце мое, как воск.

Так пел Бесник.

В то утро к нему подошел Ёван Спи́ро. Он почему-то не любил песен, может быть, потому, что совсем не умел петь. Он говорил, что мужчина на границе, за которой хоронится враг, не должен смягчать свое сердце даже песней.

— Опять мягче воска? — спросил Ёван.— Откуда это ты берешь? У вас, в Курвелеше, только камни.

Бесник не ответил. Разве можно объяснять песню?

— Отслужу срок,— сказал Бесник,— и пойду учиться пению. Буду петь тебе на зло.

Ёван ложится на землю лицом кверху.

— Бесник, — говорит Ёван, — ты получил письмо из дому?

— Получил.

— А я нет.

— Тебе завидно?

Ёван откровенен:

— Немножко завидно... А что тебе пишут?

— Курвелеш меняется — вот что. Приезжали агрономы из Тираны. Инженеры тоже были. Говорят: канал нужно строить, воду хотят пригнать.

Но Ёван занят собственными мыслями. Он задает неожиданный вопрос:

— Послушай, Бесник, есть у тебя невеста?

— Невеста?

— Ну да.

Бесник щурит глаза, почесывает пальцем подбородок. Сказать ли правду?

— Что это ты о невесте заговорил?

Ёван привстает и говорит необычайно серьезно:

— Видишь ли, Бесник, мужчина всегда должен смотреть вперед. Мы солдаты. Разное случается. Я думаю так: если есть невеста, надо почаще ей писать.

Бесник задумывается над этими словами. Чего это вдруг Ёван заговорил о невестах? А, впрочем, может быть, он и прав: на прошлой неделе, например, Бесник чудом спасся: пуля пробила ему фуражку повыше околыша. Ёван тоже едва не попал в беду: вчера в него стреляли из автоматов. Все чаще стреляют с той стороны границы...

Ёван хотел сказать еще что-то, но вдруг раздался сигнал боевой тревоги. Это бывает на границе.

За горой, что на греческой территории, ухнули орудия. В небе появился греческий разведчик.

«Дело нешуточное»,— подумал Бесник.

А через полчаса разгорелся настоящий бой.

Албанскую границу пересекли два королевских пехотных полка. Они смяли передовые албанские пограничные посты и двинулись вглубь. Вот тут-то их встретили Бесник и его друзья...

Бесник прочертил ногою на земле глубокую борозду.

— Видишь? — сказал он Ёвану.— Назад, за эту черту, не сдвинусь.

Ёван пожал руку своему товарищу.

— А я буду с тобой — локоть к локтю.

Вот все, что они могли сказать друг другу в то утро...

— И он не отступил за черту, — говорит генерал. — Он был верен своему слову. Ни один вражеский солдат не поднялся на этот холм.

Да, Назире знает: когда Бесник давал слово, он становился тверд, как камень из Курвелеша... И он пал в этой схватке. Разве победа дается даром? Она требует жертв!

— Верно: требует жертв,— шепчет старая мать.

Генерал жмет ей руку и молча протягивает ордена. Эти ордена носил Бесник, а теперь они по праву принадлежат той, которая воспитала храброго воина.

— Когда же этому будет конец? — шепчет Назире.— Когда они прекратят нападения?

— Будет конец, непременно будет конец! — слышит она в ответ.— Будет конец!

— Да, да,— говорит старая Назире.— Я верю...

Она стоит на холме, который господствует над окружающей местностью и который отныне носит имя Победы.

Эта земля впервые за многие столетия понастоящему проучила своих врагов. На этой земле грешно плакать. По ней надо ходить гордо, с высоко поднятой головою... Все это понимает Назире Бекеши. Кончиками пальцев она притрагивается к орденам.

— Смирно! — командует полковник. — Равнение направо!

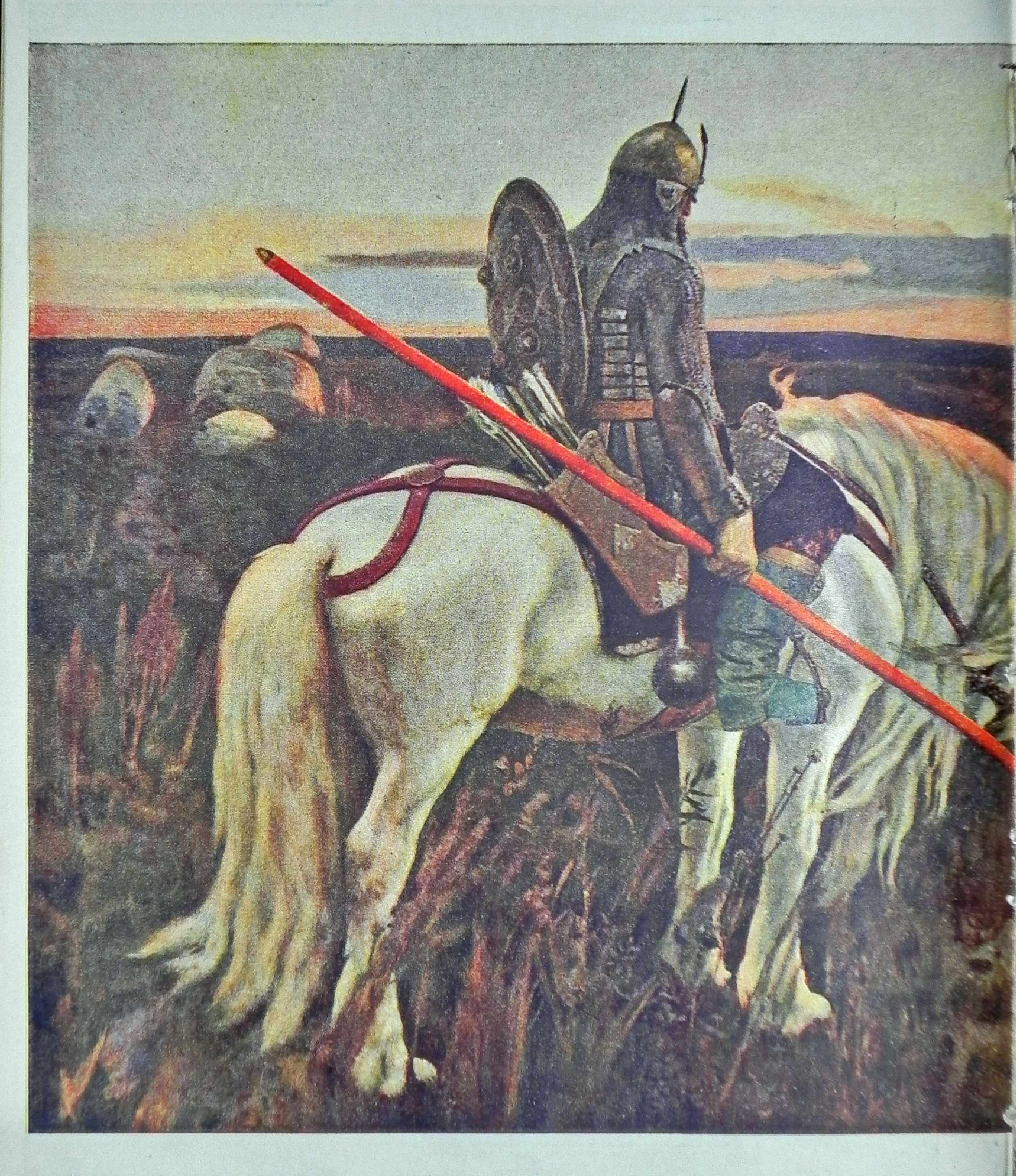
Вдруг Назире Бекеши кажется, что у нее разрывается сердце. Она падает на грудь генералу и горько рыдает.

А взвод солдат, молодой полковник и офицеры стоят по команде «смирно» перед матерью Бесника Бекеши и генералом народной армии.

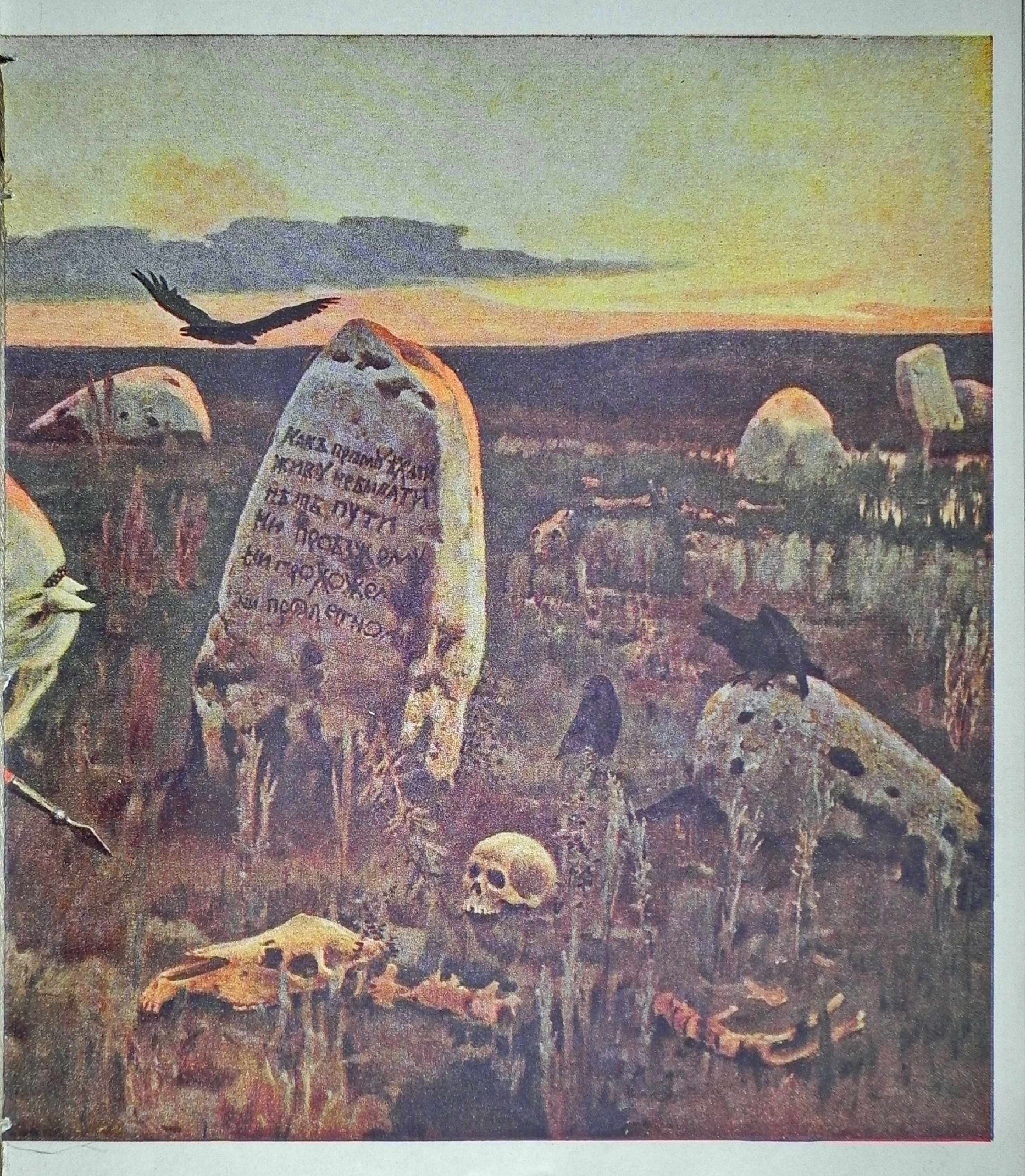

В. М. Васнецов (1848—1926). ИВАН-ЦАРЕВИЧ НА СЕРОМ ВОЛКЕ. 1889 ГОД. Государственная Третьяковская галерея

В. М. Васнецов. ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ. 1882 год.

Государственный Русский музей. Ленинград.

В. М. Васнецов. КОВЕР-САМОЛЕТ.

Горьковский государственный художественный музей.

УСАДЬБА ПУОДЖЮНАСОВ

Из романа «Пуоджюнкемис»

А. ВИЕНУОЛИС

Рисунки П. Караченцова

А. Виенуолис — псевдоним одного из старейших литовских писателей, А. Ю. Жукаускаса. Перу его принадлежат произведения, широко известные в Литве. Книга Виенуолиса «Кавказские легенды» переведена на русский и грузинский языки.

Роман «Пуоджюнкемис» (усадьба Пуоджюнасов) закончен писателем в 1952 году. В нем изображена буржуазная Литва последних десяти лет ее существования. Автор выводит в романе галерею персонажей из различных социальных слоев.

Пуоджюнас — кулак, жестокий, скупой, коварный. В погоне за наживой он не останавливается перед преступлением.

Ему противопоставлены образы революционных рабочих Ионайтиса и Гайлюнаса. Шаг за шагом автор прослеживает рост сознания Миколаса Ионайтиса — от деревенского юноши-батрака до сознательного революционера и активного работника партийного подполья. Это образ новой Литвы.

В лице Казиса, сына Пуоджюнаса, писатель создал образ карьериста, преуспевающего бюрократа маленькой буржуазной республики.

Досоветская Литва предстает в романе А. Виенуолиса как захолустный уголок Европы, как одна из молочных и мясных ферм Англии. В романе показано, как это существование в качестве аграрного придатка империалистической страны привело к обнищанию литовских трудящихся. Новая счастливая жизнь для них настала, когда волей литовского народа страна вошла в братскую семью советских республик.

Ниже печатается заключительная глава романа.

Неприятности для Пуоджюнаса начались с другой стороны.

Каждый год он давал в долг крестьянам семенной картофель с тем условием, чтобы осенью они продавали ему для винокуренного завода весь урожай. Долг он взыскивал с процентами, а на картофель назначал цену сам. Люди негодовали, но, будучи в руках у Пуоджюнаса, продавали ему картофель почти даром.

В самый сбор урожая Миколас зашел к Гайдису и от него узнал об этих жульнических проделках Пуоджюнаса. Решили созвать собрание крестьян у Белиниса.

В назначенный вечер прибыл из Паневежиса Арвидас Гайлюнас, радостно настроенный, весь посветлевший.

— Слышал хорошую новость? — спросил Арвидас, едва переступив через порог.

— Какую? Ничего не слышал.

— Сталин... Советский Союз вернул Литве Вильнюс!

— Да ну?! Ты от кого слышал?

— По радио передали. Народ только об этом и говорит, всюду ликование!

— Какая радость, Арвидас! Советский Союз протянул нам руку...— взволнованно говорил Миколас и, не в состоянии усидеть на месте, все шагал по земляному полу избы.

Сильно взволнованный вернулся из города Гайдис и рассказал, как народ встретил это известие, как он выражает свою радость и благодарность Советскому Союзу, который один только и защищает интересы малых и слабых государств.

— Ну, а не привелось слышать, как наши господа отнеслись к этому? — спросил Миколас.

— Их и на улицах не видать. Говорят, совещаются.

— С кем совещаются и о чем, не слышал?

— Нет.

— Знаешь, Арвидас, раз уж ты приехал, давай пойдем вместе к Белинису.

— Не рано ли?

— Пока дойдем, стемнеет.

Они оба вышли. Из осторожности Гайдис вел их опушкой.

Изба Белиниса уже была полна народа. Тут были десятинники[1] из деревни Шяликунай, были крестьяне и из других деревень по соседству. Все они пришли посоветоваться о поставках картофеля, но, узнав радостную новость, говорили только о ней.

— А наш Пуоджюнас, когда ему сказали, что Советский Союз вернул нам Вильнюс, сначала не поверил, а потом заявил, что не русские, а англичане с американцами и французами вернули нам Вильнюс, — рассказывал один из новоселов.— А я ему говорю: англичане вернули нам тысячу бочонков испорченного литовского масла и сто вагонов протухших беконов, а не Вильнюс!

— А он что?

— А он говорит: мы сами виноваты, что нет у нас своих пароходов и что мы затянули доставку. А я ему: неправда, английские маклеры нарочно запрещают нам возить наши грузы на наших пароходах, а заставляют это делать на английских судах, а наши убытки их мало беспокоят... Торгаши, маклаки, и больше ничего, говорю!.. А Пуоджюнас мне: откуда, говорит, ты такой ученый, все-то ты знаешь?.. Махнул рукой, да и пошел в свой дворец... Не нравится ему!

Когда Миколас и Арвидас вошли, оживление в избе Белиниса возросло. Послышались вопросы о Вильнюсе, о Советском Союзе. Долго Арвидас и Миколас рассказывали крестьянам о дружеском отношении Советского Союза к литовскому народу.

Около полуночи стали совещаться о поставках картофеля.

— Куда я дену свою картошку, если не свезу ее Пуоджюнасу? — спросил один.

— Скормишь свиньям. На базар свезешь. Сам съешь,— посоветовал ему другой.

— А с долгом Пуоджюнасу как быть?

— Долг отдай, а больше ни одной мерки,— сказал Миколас.

— А куда я дену ту картошку, что не скормлю и не продам? — настойчиво спрашивал все тот же крестьянин.

— Закопаешь в землю и подержишь до весны.

— Легко сказать, а вот что мне делать, когда у меня ее в этом году в два раза больше посажено, чем в прошлом, а?

— Недогадлив ты, братец, коли не соображаешь, что делать с картошкой. Подумай, что Пуоджюнас будет делать без картошки, если мы сговоримся и не отдадим ему ее за бесценок.

— Правда! Правда!.. Правильно говорят! Пуоджюнас лопнет без картошки. Он сам для винокуренного завода не сажал, понадеялся на нас, на должников, а без картошки его заводу капут!

Наконец было решено вернуть только долг, а больше картофеля Пуоджюнасу за предлагаемую им цену не везти.

Прошла неделя, другая. Винокуренный завод стоял. Картофеля не везли. Если кто из дальних и пытался, то местные останавливали его на дороге, и Пуоджюнас оставался без картофеля.

Он злился, ругал Миколаса, узнав о том, что тот был здесь, но делать было нечего, и Пуоджюнас уступил. Он сдался только тогда, когда увидел решительное и организованное сопротивление крестьян.

Закутавшись в пальто, ехал Пуоджюнас со станции по раскисшей дороге. Под колесами хлюпала жидкая грязь и скрипел мокрый щебень.

Стояла поздняя осень. По небу ползли белесые густые тучи. Вдали грустно чернели лиственные леса, таинственные хвойные боры, вдоль дороги торчали голые деревья.

Не видно было людей на полях, только среди зеленеющих озимых бродили стаи гусей и своим гоготаньем наводили уныние на Пуоджюнаса, и без того невеселого. Дорога была хорошо знакома, сотни раз изъезжена. Пуоджюнас ехал, смотря по сторонам.

Вдруг у самого поворота мелькнула фигура. Пуоджюнас поднял голову и сразу узнал прохожего.

— Извините, если не ошибся, Миколас Ионайтис?

— Здравствуйте, господин Пуоджюнас! Я самый.

— Если тебе далеко идти, садись, подвезу,— пригласил его Пуоджюнас.

— Спасибо, нам не по дороге, — ответил Миколас и зашагал рядом.— Когда-то вы не были таким добрым ко мне.

— А ты каким был ко мне?

[1] Малоземельные крестьяне, владельцы одной — двух десятин.

На наших вкладках

Картины—сказки

Широко известны в народе картины художника-патриота Виктора Михайловича Васнецова — «Богатыри», «Аленушка», «После побоища Игоря Святославича с половцами». Вызванные к жизни поэтическим даром художника, предстают в них героические предания старины, образы народных сказок и легенд.

Любовь к родине питала творчество Васнецова. В своих полотнах славит он богатырскую силу, величие и духовную красоту родного народа. Эпический размах, созвучный величавому складу героических былин, мудрость и красота стародавних сказок привлекают нас в произведениях этого художника, одного из тех певцов русской земли, которые составляют нашу национальную гордость.

В картине «Богатыри» художник запечатлел знакомые каждому из нас с детских лет образы былинных героев: могучего и простодушного Илью Муромца, степенного и рассудительного Добрыню Никитича, храброго и нетерпеливого Алешу Поповича. Зорко всматриваются в степную даль славные витязи: не идут ли откуда вражьи полчища, нет ли где врага-обидчика, злого недруга родимой земли?..

Картина воспринимается как богатырская былина о надежных и верных стражах отчизны, как торжественное величание русского воинства.

Героическая тема борьбы далеких поколений русских людей за честь и свободу своей страны с большой силой выражена в картине «После побоища Игоря Святославича с половцами»... Ночь спустилась над бранным полем, где еще недавно кипела яростная сеча. В памяти оживают величавые и трагические образы «Слова о полку Игореве».

Полные пленительной поэзии запечатлены в полотнах Васнецова герои народных сказок. Сквозь лесные дебри и болота, страшную глухомань стрелой несется на сером волке Иван-царевич с Еленой Прекрасной. Плачет-печалится сиротинка Аленушка. Величаво выступают в сиянии камней-самоцветов сестры-царевны подземного царства. В картине «Витязь на распутье», словно мудрый сказитель ведет живописец свою повесть, почерпнутую из глубин народной поэзии, про «бел-горюч камень», про храброго витязя, которому суждено свершить сказочный подвиг.

Или над полями и лесами летит ковер-самолет — выдумка сильных и смелых людей,— а на нем Иван-царевич с пойманной им за тридевять земель дивной Жар-птицей. Как прекрасно это торжество народной мечты о счастливой и радостной жизни, веры в свои богатырские силы!

Всеобщим признанием окружены картины-сказки замечательного русского художника.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

— Я какой был, такой и есть...

— Знаю, знаю, какой ты есть... Теперь по твоей милости я с винокуренным заводом чуть не прогорел.

— Ничего, прошлогодней прибылью покроешь.

— За что ты на меня злишься? За что против меня агитируешь? Выкинь камень из-за пазухи, я тебе никогда ничего плохого не хотел.

— Только делал.

— И улитка обороняется, когда ей грозит опасность, оборонялся и я... Но если ты обижен, я могу обиду загладить... Но ведь ты и в других местах такой же... Мутишь, агитируешь. Прошлый год ты был у Белиниса, и сейчас вот... Ведь это ты уговорил новоселов не платить долгов и процентов, не продавать земли да картошки! Неправда, скажешь?

— Сущая правда, Пуоджюнас. Только ты поторопись, может, тебя в усадьбе кто ждет.

— Так не хочешь за обиду... возмещения? Я могу хоть сейчас уплатить.

— Нам долго считаться, Пуоджюнас, сосчитаемся при случае.

— Когда при случае?

— А когда в твоем бывшем имении народ будет хозяином.

— Какой народ? Я не понимаю, о каком народе ты говоришь?

— Все те, кто в твоем имении трудился, тебе добро наживал...

Пуоджюнас перебил его:

— Все вы на мое добро заритесь! А ведь все тут только моим кровавым потом заработано... Моими руками сделано!.. А вы все — кто? Вишь, какие! А что вы со мной сделаете? Что?

— Сделаем то, что решит народ.

— Опять народ, — заволновался Пуоджюнас.— И я народ, и ты народ, и наши отцы, деды и прадеды — все из народа... Были тут когда-то паны Сесицкие, но они давно сгинули, а может, и сгнили.

— Сесицкие сгинули, а на их место сели Пуоджюнасы! — говорил Миколас, посмеиваясь и шагая рядом с бричкой.

— Другие за меня день и ночь молятся, бога благодарят... А ты...

— Погоди, Пуоджюнас, а сколько таких, что тебя проклинают, а?

— Лентяи, воры, пьяницы, может, и проклинают, но добрые люди, говорю тебе, за меня бога молят! Хорошему человеку и я всегда добром отплачу... Мы с тобой, Миколас, можем по-хорошему кончить...

— По-хорошему ли, по-плохому ли, Пуоджюнас, а уж с тобой мы кончим...

И Миколас, махнув рукой, пошел своим путем, а Пуоджюнас, посмотрев ему вслед, стегнул буланого и поехал восвояси.

Пуоджюнас вернулся домой в глубоком беспокойстве. Еще по дороге он подумал, что надо бы донести полиции о появлении Миколаса, но тут же махнул рукой и пробормотал: «Ищи ветра в поле...» Однако мысль о Миколасе не давала ему покоя.

Не зная, с кем посоветоваться и поговорить, Пуоджюнас после долгих размышлений решил поехать в Каунас к своему сыну Казису — теперь уже вице-министру, с которым он так долго не виделся.

«Он близок к правительству и больше знает, чем другие. А если не найду его в Каунасе, то с кем-нибудь из политических деятелей посоветуюсь, к знакомым зайду. Наконец, к брату Антанасу наведаюсь. Мало что между нами было... Ведь та же опасность, что угрожает моему имению, грозит и его каменному дому,— рассуждал Пуоджюнас.— Посмотрю, что другие делают и замышляют... Пока еще земля под ногами не горит и на пятки никто нам не наступает». И Ионас Пуоджюнас несколько успокоился.

Поручив управляющему и экономке Антосе смотреть за хозяйством и вести все дела в имении, Пуоджюнас поездом прикатил в Каунас.

На улицах города было спокойно. Но Пуоджюнаса поразило, едва он вышел на вокзальную площадь, большое количество полицейских, военных патрулей и вообще людей в военной форме. По двое, по трое стояли рабочие, толкуя друг с другом, и с подчеркнутым равнодушием смотрели на шмыгавших мимо них полицейских.

Прямо с вокзала Пуоджюнас отправился на квартиру сына. Переступив порог, он пришел в изумление: в комнатах царил хаос, всюду стояли чемоданы, узлы, в одном углу видны были два заколоченных ящика.

— С квартиры, что ли, он съезжает? — удивленно спросил Пуоджюнас.

— Никто не съезжает,— со странной усмешкой ответила горничная, открывшая ему дверь.

— А где же барин... мой сын?

— Он дома, можете войти,— ответила горничная.

Пуоджюнас нарочно неспешно отворил дверь в гостиную и еще шире раскрыл глаза: его сын, вице-министр Казис Пуоджюнас, вспотевший и без пиджака, укладывал в ящик зашитую в холст картину, явно при этом нервничая. Удивился и он, увидев отца:

— Отец, откуда? Так неожиданно...

— Я к тебе, сын, ненадолго... Кончай, я подожду.

— Долго ждать придется. Еще много работы впереди.

И сын указал на снесенные в одну комнату и еще не запакованные драгоценные вещи.

— Пойдем поговорим, раз уж ты приехал.

Они вошли в столовую. На стенах выделялись светлые прямоугольники — следы только что снятых картин. В буфете на месте хрусталя и серебра стояла простая фаянсовая посуда. Сын указал отцу на стул и спросил:

— Так что хорошего скажешь, отец? Что у тебя?

— Здорово, сын. Прежде надо поздороваться — вот что я скажу.

— А, здравствуй, отец! Извини, забыл как-то...

Отец и сын обнялись, поцеловались и поглядели друг другу в глаза.

— Что это все значит, объясни ты мне? — спросил отец, усаживаясь.

— Это значит, что надо все предвидеть и ко всему подготовиться. Ты, отец, всегда смотрел на жизнь открытыми глазами, оценивал ее реально. За это я тебя уважаю. Ты сам понимаешь, что мы живем на вулкане. Однажды он уже было забурлил и немало страху нагнал на нас всех. И ты, отец, несомненно, хорошо помнишь это. Но до сих пор все было детской игрой по сравнению с тем, что может произойти теперь. Если произойдет взрыв, он нас всех сметет,— слишком много накопилось... К тому же война у нас под боком, и от нее могут быть неожиданности...

— Ты словно холодной водой меня окатил.

— Холодная вода отрезвляет. А трезвые и умные люди в Каунасе заранее готовятся... Не думай, что я один так поступаю. Министры, директора, высокопоставленные чиновники, вообще все состоятельные люди давно уже переводят свои деньги в более безопасные места: в Швейцарию, Германию, Англию и даже в Америку. Кто может, старается спасти и сохранить дорогие вещи. Вот за этим занятием ты меня и застал.

Отец подошел к сыну, положил руки ему на плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Казюк, сын дорогой! Я все забыл и прощаю. Прости и ты меня. Забудь, что когда-то было...

Сын отвел глаза.

Держа руки на плечах сына, отец говорил:

— Ты у меня единственный остался. Посоветуй, что делать... И подо мной земля горит...

Сын подвел отца к креслу, усадил его и сказал:

— Ты прав, отец, нужно и тебе что-то делать.

Отец молчал, думал; рассеянный взгляд его блуждал по светлым квадратам на стенах.

— А где же твоя жена? — вдруг спросил он.

— За границей, охраняет нашу виллу.

— Так ты нам ни разу свою жену и не показал. Мы думали, ты когда-нибудь в имение приедешь и ее привезешь.

— Некогда было, отец, все служба, разъезды...

— Не дал, значит, бог... Она литовка, католичка?

— Гм... как сказать... литовка, католичка... Ну, а совет тебе вот какой. Запакуй наиболее ценные вещи и пришли мне. Я их отвезу за границу, в свою виллу или в другое безопасное место. А потом все время будь наготове. Если убежишь, а потом окажется, что не стоило,— ничего страшного: вернешься. Главное — только момент не прозевать, потому что мужики с тобой церемониться не станут.

В комнату, не постучав, вошел оборванец. Это был дворник.

— Отнес? — тотчас спросил его младший Пуоджюнас.

— Отнес. Там приняли и расписались. Вот квитанция.

— Хорошо. Можешь идти.

Но дворник не уходил.

— Барин обещал мне костюм...

— Да, но когда вернусь. Если ты все сделаешь как следует, получишь и костюм, притом новый.

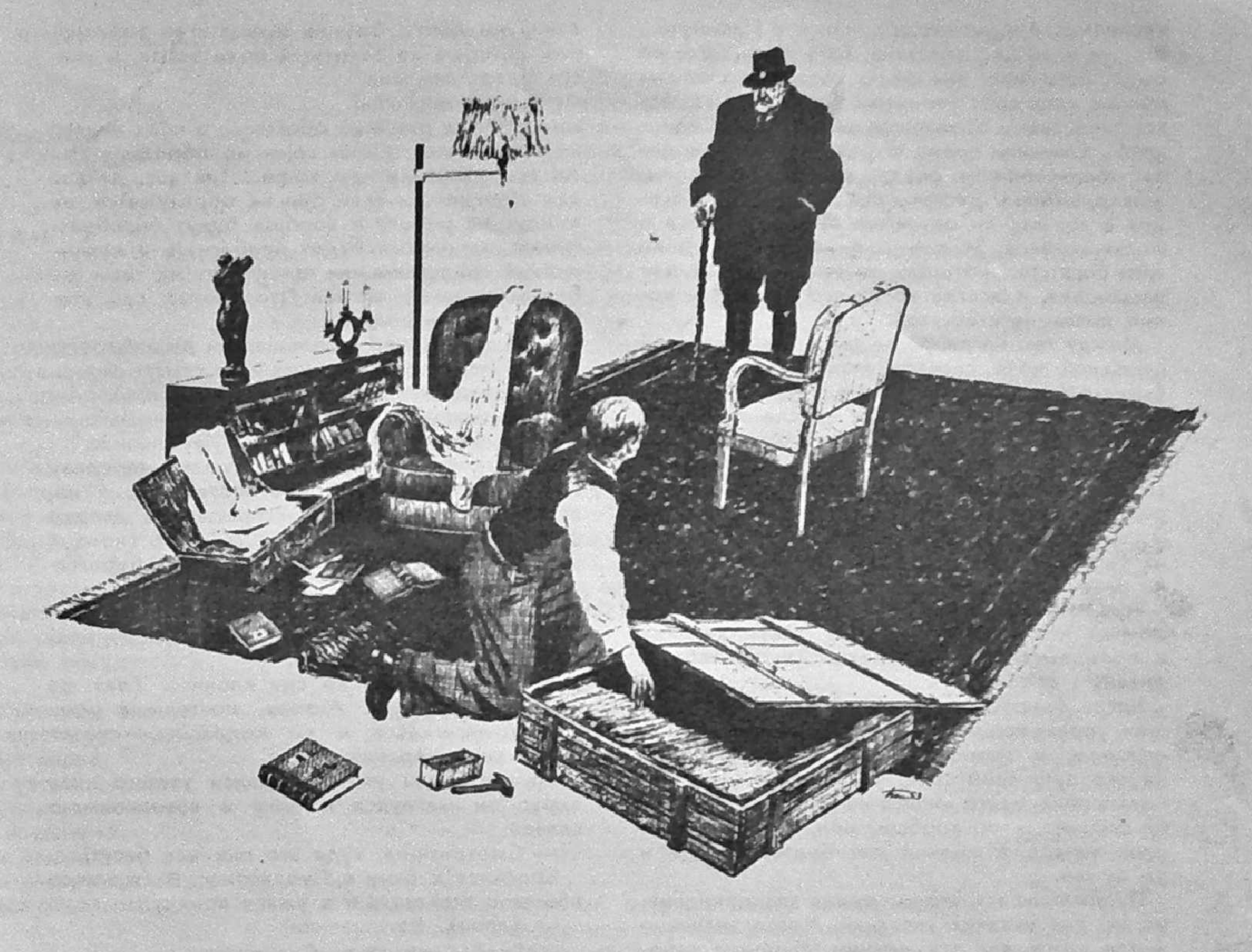
— Мне теперь хотя бы какой-нибудь, хотя бы и старый,— несмело попросил дворник.

— Неле! — позвал Казис Пуоджюнас и, когда горничная вошла, сказал: — Дай ему мой этот... охотничий костюм. Или нет, лучше дай ему тот, коричневый... Он пришьет пуговицы, и будет ему костюм.

Горничная принесла пиджак без пуговиц.

Дворник взял, посмотрел, что-то пробормотал и, не поблагодарив, вышел.

— Вот видишь, что за народ, даже спасибо не сказал! — проговорил сын.— Ничего удивительного, что и твои люди неспокойны. Вот и он совсем неплохой человек, тихий, спокойный. А дай ему волю, и он зубы покажет. Правильно сказано: как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Приехав домой, Ионас Пуоджюнас тотчас позвал в кладовую экономку, и они долго совещались, как запаковать ценности — золото, серебро, хрусталь. Набив несколько ящиков ценными вещами и сунув туда отрезы сукна и шелка, которые когда-то купила его жена, Пуоджюнас сам все это отвез в Каунас, передал сыну и, несколько успокоившись, вернулся в имение.

Ежедневные заботы, слежка за монахами, перебранки с батраками и новоселами понемногу рассеяли дурное настроение Ионаса Пуоджюнаса. А когда пришла весна, он опять бодро шагал в поле, указывал работникам, где сеять, торговался с людьми, приходившими за семенами или кормом для скота.

«И Казис зря так поспешно стал укладываться,— думал Пуоджюнас и жалел, что отвез свое добро сыну. — Еще возьмет да подарит, негодник, какой-нибудь девке!..»

Как никогда раньше, он чувствовал себя теперь полноправным и фактическим владельцем всего имения Швентаретис-Пуоджюнкемис, обладателем значительно больших земель, чем некогда паны Сесицкие. Монахи, озабоченные своими таинственными делами, совсем перестали интересоваться хозяйством, и Пуоджюнас довольно улыбался, вспоминая, как легко и ловко удалось ему обмануть отцов-монахов.

«Могу им только спасибо сказать за их старания и труды, а имения они не увидят, как своих ушей»,— думал Пуоджюнас.

Июнь уже вступил в свои права. На залитых солнцем просторах дружно подымалась рожь, обещая обильный урожай. И вот неожиданно все перевернулось вверх ногами.

Пуоджюнас в то утро по обыкновению встал очень рано, обошел поля, порадовался на яровые, пошел на пастбище посмотреть на привезенных монахами швейцарских коров и, когда уже солнце было высоко, вернулся домой позавтракать.

Его встретила испуганная и недоумевающая Антосе.

— Барин, отцы-монахи уехали!

— Куда уехали?

— Не знаю. Уехали.

Антосе рассказала, что рано утром на машине приехал отец Дионизас, очень расстроенный и сильно озабоченный. Он тотчас созвал монахов и стал с ними совещаться. Сразу же после этого все стали поспешно укладываться. Несколько тяжелых ящиков вынесли из комнаты отца Дионизаса и погрузили на машину. И из костела вынесли все дорогие вещи: серебряные подсвечники, шитое золотом покрывало и другие ценности. Отец Дионизас зашел, спросил, где хозяин, и, не найдя его дома, махнул рукой, сел в свой «форд» и укатил со своими спутниками. Другие братья, нагрузив еще одну машину, отправились вслед за ним.

Отъезд монахов был таким внезапным и стремительным, что Антосе не успела сбегать и доложить об этом барину.

Пуоджюнас приказал заложить в бричку буланого и с грохотом укатил в уездный город узнать, что делается. По дороге он заметил, что крестьяне уже не так любезно и почтительно здороваются с ним, не замечают его и горожане. В канцелярии уездного начальника было столпотворение. Ни самого начальника, ни его помощника не было, и никто не знал, куда они провалились, а заведующий канцелярией шепотом сообщил ему, что дела очень плохи, все трещит по швам и не сегодня — завтра возможны величайшие перемены. Пуоджюнас остолбенел, услышав это.

Выйдя из канцелярии, Пуоджюнас не знал, что делать: спешить ли домой и спасать, что еще можно спасти, или, наоборот, больше не показываться туда. Все же он решил еще разок съездить домой, взять деньги и ценные бумаги, дать Антосе и управляющему некоторые указания по управлению имением, а самому ехать в Каунас. А оттуда, если необходимо, и дальше...

Когда Пуоджюнас вернулся в имение, там всюду толпились его рабочие и новоселы. Одни бродили по монастырю и удивлялись, что всюду пусто. Другие собрались в людской для того, чтобы обсудить положение.

Антосе ждала Пуоджюнаса в столовой.

— Антосель, — произнес Пуоджюнас, — они могут меня арестовать или, сохрани боже, убить... Я хочу временно удалиться из имения.

— Куда? — испугалась Антосе.

— Куда-нибудь, хоть на дерево влезть. Ведь все это скоро кончится. Я хочу кое-что с собой захватить... Ты останешься здесь хозяйничать. Ты у меня одна осталась... Вот тебе пока немножко,— и Пуоджюнас, вытащив из ящика стола пачку денег, отдал ее Антосе.

Антосе быстро спрятала деньги за пазуху и сказала:

— А как же я?

— Будь полной хозяйкой. Я тебя не забуду. Мы не успели пожениться, вступим в брак позже!

И Пуоджюнас стал открывать шкафы, чтобы отобрать ценные вещи.

— Но... барин, они караулят... Ты ничего не вывезешь и сам не убежишь...

— Кто караулит? — побледнел Пуоджюнас.

— Да работники. Уже и за мной следят. Как увидели, что монахи, убегая, вывезли имущество, они поставили сторожевых у вашего дома, чтобы отсюда ничего не увезли

У Пуоджюнаса ноги подкосились. Он не знал, что ему делать: переодеться и сейчас же бежать или подождать еще и тем временем уложить хоть несколько ящиков и закопать их.

Он открыл один шкаф, другой, заглянул в буфет, в столы — всюду еще было столько добра! Нужно было бы все это запаковать и вывезти, ничего не оставляя этим негодяям!

«Всего не вывезешь и не спрячешь. Останусь-ка я на денек — другой да погляжу», — решил Пуоджюнас.

Ни минуты он не мог усидеть на месте: все шагал по комнатам, смотрел в окно, что делается во дворе, и только односложно отвечал экономке и управляющему, которые все время были при нем.

— Барин, батраки выгружают дрова отцов-монахов. Не закрыть ли дровяник? — спросил управляющий.

Пуоджюнас только махнул рукой и ушел в другую комнату.

Когда стемнело, он зашел в монастырь, осмотрел часовню, оставшиеся хоругви, скамьи для молящихся, всю бывшую половину брата Антанаса.

Народ не расходился.

— Коров доили? — вдруг спросил Пуоджюнас у экономки.

— Может, и подоили, но молока на ледник никто не принес. Спросить, что ли?

Пуоджюнас опять махнул рукой и ушел в столовую. Оставшись один, вспомнил он те, казалось бы, совсем недавние времена, когда он, никем не стесняемый, грабил, обдирал, пускал с молотка имущество мелких хозяев, захватывал в свои руки их участки и наделы вокруг имения, стремился к богатству, к почету. В то время была еще жива его вторая жена... Вспомнил он и свою первую жену, терпеливую женщину, их первенца, сына Казиса, который так не по-сыновнему с ним обошелся: отцовское добро увез, а отца спасти не позаботился. Вспомнил своего любимца, младшего сына, Антанюкаса, сбежавшего с дочерью батрака, вспомнил покойного сына Повиласа... Много, много пережил он в этом доме, много у него было забот, трудностей, но много и радостей... В этой комнате он подписал с паном Сесицким акт о купле-продаже имения, и тогда помещик в первый раз, как равный равному, подал ему, мужику, руку... В этой комнате он угощал министра земледелия и ловко обманул покупателей леса... А сколько было радости, когда он согнул в бараний рог новоселов!.. Даже умирая, он не забудет, какое счастье охватило его душу, когда наконец его

наследник Антанюкас обручался с Пальмуте... Все же и он был счастлив, хотя и недолго, но был!.. Вспомнил, как он из хозяина на одном волоке стал собственником всего имения, богатством своим превзошел самого пана Сесицкого... Оживали перед его глазами и злые дела: мошенничества, обиды, нанесенные людям, пожар амбара, распродажи хозяйств новоселов и то, как он одурачил брата Антанаса и отцов-монахов. И все ради богатства, ради того богатства, которым он всю жизнь не мог насытиться, а всегда хотел его больше и копил, ничем не стесняясь...

Между тем на дворе во тьме благоухающей июньской ночи сновали люди, его рабочие, бывшие его рабочие, батраки, девушки, поденщики. Никто не спал, все ждали прибытия красных и, проходя мимо барского дома, с нескрываемой злобой, с жаждой мести смотрели на его окна, и сердца людей наполняла радость: вот он наступил наконец, долгожданный день расчета! Люди следили, чтобы их бывший барин и главный обидчик ничего не вывез из своего имения и не убежал сам...

Только на заре народ стал расходиться по домам: кто спать, кто коров доить, скотину в поле выгонять или делать другую повседневную работу.

Когда взошло солнце, к Пуоджюнасу пришел управляющий, простоявший всю ночь с народом, и пожаловался, что батраки пасут на его лугу свой скот, что никто не желает идти в поле, никто ничего не делает, никто его не слушает и что вообще, мол, он, управляющий, теперь в имении как будто больше и не нужен.

Пуоджюнас все это выслушал хладнокровно, но не дал никаких указаний. Какое значение могли иметь все эти мелкие убытки и неполадки в сравнении с неясным завтрашним днем!..

— А вестей из города никаких не было? Я просил уездного начальника в случае чего дать мне знать,— сказал Пуоджюнас.

— Никаких, господин Пуоджюнас. Из уезда никто не появлялся. А может, никто и не придет, и все останется попрежнему. Мало ли что люди брешут...— вставила свое замечание Антосе.

Все трое помолчали.

— Не слишком ли рано и отцы-монахи уехали? — продолжала разговор экономка.

Ей никто не ответил.

— Хорошо, что они нам хоть своих швейцарских коров оставили,— сказал управляющий.

А Пуоджюнас, обрадовавшись, спросил:

— Кто их теперь доит?

— Вчера и сегодня утром доили батраки. Я не решился им ничего сказать...— начал оправдываться управляющий.

Но Пуоджюнас прервал его:

— А завтра пусти их с нашим стадом и не давай им доить. Запиши имена всех работников, которые не захотят в поле выйти, и список представь мне.

— А сегодня как?

— Денька два еще обождем, а если ничего не произойдет и они сами не образумятся... Антосе, свари-ка нам кофе... Так вот, денька два обождем, и если они не образумятся, не выйдут на работу и вообще будут безобразничать, то можно будет прибегнуть к какимнибудь средствам или припугнуть их теми же большевиками,— сказал Пуоджюнас, сам утешаясь своими словами.

— Я думаю, что и большевики не набросятся так уж сразу на имения и не станут делить их,— выразил свое мнение управляющий.

— Дисциплина и порядок и у них есть,— снова в утешение себе сказал Пуоджюнас.

— Разумеется, барин... Я думаю, не сразу все уж так переменится, а постепенно. А мы за это время успеем распродать и запасы клевера, и зерно, и уменьшить число скота, а кое-что у добрых людей спрячем... Береженого бог бережет!

Они выпили кофе и закусили.

Пуоджюнас широко зевнул, потянулся и развалился в мягком кресле.

— Знаешь, меня ко сну клонит... Глаз за ночь не сомкнул. Антосе, постели-ка мне. Пойду лягу. Иди и ты подремли,— сказал Пуоджюнас управляющему.

Управляющий уже собирался уходить, как вдруг он метнулся к окну и взволнованно сказал:

— Смотрите-ка, куда это они все бегут?..

Бросился к окну и Пуоджюнас. В столовую вбежала экономка и в ужасе крикнула:

— Барин!.. Большевики!

— Где? — испугался Пуоджюнас.

— Смотрите, вот... Идут! Все шоссе забито. Смотрите, народ бежит... Из кабинета лучше видно. Идите в кабинет...

Пуоджюнас с управляющим бросился в кабинет. Их пробрала дрожь: по шоссе стройно двигалась масса людей, над их головами развевались красные знамена, и из всех изб и избенок имения и с полей бежали к шоссе взрослые и дети, мужчины и женщины. Все спешили навстречу прибывающим. Все торопились, кричали и старались опередить друг друга, стать ближе к дороге. Увидев, что шествие повернуло от шоссе к имению, все повалили назад, к господскому дому.

Не прошло и минуты, как у господского дома собралась большая толпа народа. Кто-то поднял красное знамя и плакат с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Барин... Нехорошо смотреть отсюда, из окна... Еще подумают бог знает что. Пойдем и мы поглядеть на этих большевиков,— сказал управляющий.

Пуоджюнас сначала заколебался, но, подумав, сказал:

— Ну, хорошо, пойдем и мы все. Пусть видят, что я их не боюсь.

И владелец Пуоджюнкемиса, господин Пуоджюнас, со своим управляющим и экономкой вышли из дома к народу. Никто с ним не поздоровался. Пуоджюнас деланно улыбнулся, перекинулся несколькими словами с управляющим, попытался протиснуться через толпу и встать впереди нее, как бывало раньше, когда встречали приезжавших в имение почетных гостей. Но сейчас это не удалось. Вокруг стояли батраки, батрачки, рабочие. Было и много посторонних, незнакомых Пуоджюнасу людей. Пришли каменщики в лаптях, землекопы, прибрели старый хромой пастух и оборванный скотник, служившие одну половину своей жизни пану Сесицкому, другую — господину Пуоджюнасу. Тут же увидел Пуоджюнас и некоторых бывших владельцев участков, выгнанных им с их земель. Как уверенно смотрят они сейчас!

Когда господин Пуоджюнас показался, стало тихо. Многие не знали, куда смотреть: то ли на приближающийся отряд, то ли на самого помещика, господина Пуоджюнаса. Одни глядели на него с презрением, другие — с насмешкой, но большинство — с нескрываемым чувством ненависти. Пуоджюнас все это чувствовал, но делал вид, что ничего не замечает.

— Удивительно, как это они еще не бросились грабить и душить,— подбадривая себя, сказал Пуоджюнас через плечо управляющему.

— Может, команды ожидают,— ухмыльнулся управляющий и испугался, что слишком громко и смело высказался.

Все прислушивались, желая знать, о чем они говорят. Но Пуоджюнас и управляющий замолчали.

А толпа все двигалась и уже вошла во двор. Пуоджюнас, не поворачивая головы, взглянул в одну сторону, в другую и от удивления даже разинул рот: впереди шел Миколас Ионайтис. Рядом с ним незнакомый светловолосый мужчина. В рядах было немало шяликунайских десятинников, владельцев мелких участков; среди них и Белинис и бывшие владельцы проданных с торгов участков — Папевис, Смалинис, Гедрайтис, Касакайтис. Пришли и рабочие с кирпичного завода, с мельницы и множество незнакомых Пуоджюнасу крестьян и окрестных рабочих.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал собравшихся Миколас.

— Здравствуй, товарищ! — послышался нестройный ответ.

Вдруг один из работников Пуоджюнкемиса крикнул:

— Валио [1]!

— Валио!.. Валио!..— подхватили все, и «валио» прогремело по всему Пуоджюнкемису и отозвалось в парке и над обрывом за парком.

[1] Валио (литовск.) — ура.

Тамара

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

1

Последний кишлак промелькнул на границе пустыни.
Бухарский оазис растаял во мгле желто-синей.
Сухая джида, что торчала за крайним дувалом,
Мгновенно окуталась пыли густым покрывалом.

На тряской трехтонке, буксуя, ползли по песку мы,
И в мареве зноя клубились кругом Кызыл-Кумы.
И вихри, кружась, очертанья барханов стирали,
На зыбких боках выдувая дорожки-спирали.

За первой грядою вторая дымилась и третья.
Рыжели развалины тысячелетней мечети.
На спекшейся почве осколки пестрели повсюду,
Как будто столетьями люди здесь били посуду.

Копни эту землю поглубже — и в солнечном блеске
Увидишь следы очагов и старинные фрески,
Керамику, утварь, монеты, пшеничные зерна,
Куски алебастра с искусной резьбою узорной.

Здесь были дворцы и базары, сады и селенья,
Но все поглотило песков ненасытных движенье.
Барханы струились — ничто не могло задержать их.
Жилища и нивы тонули в их страшных объятьях.

2

На тряской машине, буксуя, ползли по песку мы,
И в зное осеннем клубились кругом Кызыл-Кумы.
Но вдруг перед нами средь пыльной сухой круговерти
«Дорога к лесхозу» — возник указатель на жерди.

И скоро вдали, как мираж невесомый, мелькнула
Неяркая зелень, живая стена саксаула.
И легкие тени узором, дрожащим и тонким,
Прошли по бортам, по кабине, по крыльям трехтонки.

В сыпучей пустыне, где роща стоит молодая,
Корнями железными к месту пески пригвождая,
Кривые стволы окружали подобье полянки,
Пожухлую травку, цветы розоватой солянки.

И русый водитель сказал, выходя из машины:
— Лесок подходящий, хоть нет ни грибов, ни малины...
Какой ни на есть, а неплохо при здешней погоде.
А вон и Тамара — хозяюшка этих угодий!

3

И, правда, внезапно возникшая в облаке лёсса,
Какая-то всадница быстро съезжала с откоса
С камчою в руке. На лице, что казалось суровым,
Темнели очки, защищая от света дневного.

Была она в лыжных штанах и потертой жакетке.
Тяжелые косы покоились в марлевой сетке
Под шляпой соломенной, чтобы не очень пылиться.
Зеленая ветка черкеза дрожала в петлице.

Узбеки-объездчики следом возникли на скате:
Один в тюбетейке ковровой и пестром халате,
Другой в гимнастерке, слинявшей от солнца и пыли.
Они возле нас на мгновенье коней осадили.

— Здорово, начальство! — окликнул Тамару водитель.
— Привет земляку! На раскопки дорогу торите!
— Везу археологам почту, харчи и палатки.
А вы!
— Собралась поглядеть молодые посадки.
— Далеко!
— Не очень... За сутки доскачем, пожалуй.
— Большое хозяйство!
— Да, вроде участок немалый!
— Вы б с нами в тени отдохнули...
— Ой, нет, не придется.
Нам засветло нужно сегодня дойти до колодца.
В лесхоз приезжайте...
— Вы дома бываете редко.
— Вернусь к воскресенью... Пока!
— До свиданья, соседка!

Очки она сбила на лоб, и глаза голубые
Лицо озарили, улыбчивые, озорные.
И вот растворилась она в океане песчаном.
Объездчики тоже исчезли за дальним барханом.

4

Меж тонких стволов, остужая мотор перегретый,
Водитель поведал нам скупо о девушке этой,
О том, что с Тамарой они из Воронежа родом;
Ее издалёка прислали сюда лесоводом.

Она лесотехникум кончила прошлой весною.
Не просто привыкнуть к пескам, к азиатскому зною.
Сначала девчушка помучилась малость... А ныне
Ее в Кызыл-Кумах прозвали хозяйкой пустыни.

В питомнике, в дальних лесничествах, в ближних райкомах,
В кибитках объездчиков — всюду Тамара, как дома.
Команду подаст — самолеты проносятся с гулом,
И падают с неба дождем семена саксаула.

Команду подаст — и в песках, где погибли кочевья,
Преградой барханам встают молодые деревья,
Как младшие братья дубов, что над Каменной степью
Шумят у Воронежа в лиственном великолепье.

5

На тряской машине опять поползли по песку мы.
Исчезли деревья, дымились кругом Кызыл-Кумы.
Но мы как-то легче сносили и сушь и усталость.
Нам это пространство безлюдным уже не казалось.

Бархан крутогорбый уже не казался всесильным.
Мы видели юную всадницу в облаке пыльном.
В пустыню с собою она принесла из России
Немолкнущий шелест ветвей, ароматы лесные.

Люди поздравляли друг друга, пожимали руки.

— Йезус Мария! — пискнула стоящая возле Пуоджюнаса экономка Антосе и всплеснула руками.

— Осторожнее, ты! — прикрикнул на нее Пуоджюнас и толкнул кулаком в бок.

— Барин, посмотрите, кто там, посмотрите!..

Пуоджюнас посмотрел на стоявшего возле Миколаса Ионайтиса светловолосого мужчину и почувствовал, как по всему его телу пробежала дрожь. Их взгляды встретились. Светловолосый подошел к Пуоджюнасу и сказал:

— Здравствуйте, господин Пуоджюнас!

Пуоджюнас напряженно заморгал глазами и попятился.

— Здравствуйте, господин Пуоджюнас! Неужто не узнаете? — повторил светловолосый, глядя Пуоджюнасу прямо в глаза.

— Нет! Нет... Я тебя не знаю! — И Пуоджюнас потряс головой.

— Не знаешь? Я же сын твоего бывшего батрака Гайлюнаса, Арвидас... Твой бывший пастух!

Люди зашевелились и посмотрели на Пуоджюнаса.

Управляющий исчез в толпе, одна только экономка не отступилась от своего господина и не выпустила его руки.

Толпа стала с шумом продвигаться к клумбам, где стоял побелевший, как полотно, Ионас Пуоджюнас. Многие поднимались на цыпочки, чтобы посмотреть на него, хотя бы через головы других. Пуоджюнас точно превратился в статую.

Вдруг Пуоджюнас задвигался, вытащил свою руку из рук экономки и, пошатываясь и пряча лицо, стал проталкиваться через толпу. Все сторонились с его пути и молча провожали его глазами. Он поплелся к дому.

— Погоди, Пуоджюнас, теперь и мы с тобой посчитаемся! — С этими словами у дверей веранды загородил ему дорогу Белинис, бывший владелец участка.

Пуоджюнас остановился, глянул на него волком и, будто не узнав, свернул с дорожки. Не сказав ни слова, вошел в дом через кухонные двери.

Батраки и батрачки, работники, поденщики столпились вокруг красного знамени и плаката и начали свой первый открытый митинг.

А над головами участников митинга развевалось по ветру красное знамя, реяло, трепетало и, казалось, призывало всех трудящихся сплотиться вокруг него.

Перевели с литовского
А. Иоделене и Л. Славин

Живое богатство

В. ТИТОВ

Фото А. Бочинина

Декабрь выдался капризный. Реки встали еще в ноябре, а в декабре то снег хлопьями повалит, то ударит мороз, то ростепель настанет...

Мы идем по льду Ивницы с научным сотрудником Владимиром Сергеевичем Поярковым и егерем Семеном Николаевичем Баскаковым. Владимир Сергеевич — специалист по вольному разведению бобров. Егерь Баскаков — прирожденный следопыт. Вокруг знаменитые воронежские леса, уцелевшие с прошлого века на краю степи от вырубки и раскорчевки. Леса большие, овеянные былинной славой. Тут еще Петр Первый брал ровный, как свеча, мачтовый лес. Старожилы рассказывают о лесном атамане Кудеяре, песенном герое. В рассказах этих сквозит отголосок времен Ивана Грозного. Среди старого бора и светлых дубрав сохранились следы крепости — Кудеярова городища.

Вместе с лесами чудом выжил на заболоченной Ивнице и глубокой Усманке редкий зверь — бобр. Двадцать пять лет назад тут насчитывался всего десяток этих животных. Они удерживались в недоступных плесовых зарослях. Теперь здесь заповедник.

Пойма Ивницы поросла ивняком и такой огромной и густой ольхой, какая в других заболоченных лесах не встречается. В руках у нас палки. Все время приходится выстукивать лед, чтобы не провалиться.

Поярков говорит:

— Еще до войны заповедник умножал поголовье. Сотни семейств были переселены в самые отдаленные места страны. От Азербайджана до Кольского полуострова, от подмосковных лесов до Иркутска — всюду в бобровых хозяйствах живут наши воронежские бобры.— Он поглядел на поваленные стволы деревьев и сказал: — Смотрите, погрызы.

Здесь начинается бобровое владение. Бобровые погрызы, как бы они ни были незначительны, тщательно подсчитываются. По ним определяется территория, занятая новой семьей, и численность самой семьи. За полосой погрызов следуют плотины и затянутые льдом «транспортные» каналы с лазами под лед.

Вот и плотина. За плотиной домик. На льду несколько лазов. В одном месте из плотины через аккуратное, словно пилой выпиленное отверстие бежит с шумом вода.

— Это бобры спустили воду,— говорит мне спутник.— Приметьте: не всю воду спустили, а только часть. Делают они это для того, чтобы можно было свободно плавать подо льдом. Смотрите, какой «ледяной дворец».

Заглядываю в отверстие. Темная, таинственная пустота. Лед повис над водою.

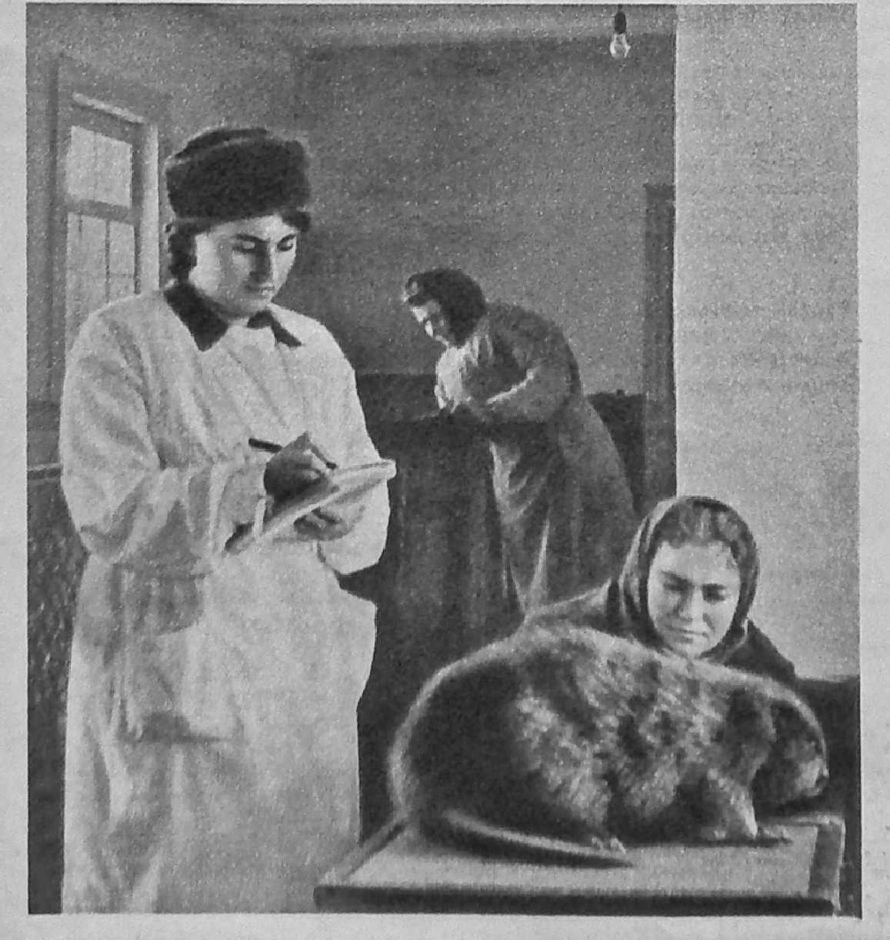
Егерь Баскаков машет рукой. Подхожу к нему.

— Видите, как вода колышется? — спрашивает Баскаков.— Сам «хозяин» был здесь. Встревожился и выходил проверить. Днем он ни за что наружу не выйдет. Бобры — ночные деятели.

Следы деятельности бобров видны на берегу. Словно лихой лесоруб прошелся по делянке с веселым топором. Тут и толстые пни, и деревья с отделенными ветвями и вершинами, подрезанные бобрами и повисшие на соседних деревьях березы, осины и дубы.

— Этот беспорядок,— говорит Владимир Сергеевич,— только до поры, до времени. Бобры все это повалят, съедобные части отсекут и унесут в воду. Тогда подъезжай, наваливай и вези стволы на дрова. Вред? Никакого! На расчищенной, осветленной делянке скоро вырастет густая молодая поросль. Ее бобры никогда без особой надобности не трогают. К тому же лес по берегам поймы растет всегда малоценный: осина-«красника» с тронутой гнилью сердцевиной, дуб с «чернью».

Вечером на лесном кордоне, в просторной и теплой сторожке егеря-наблюдателя Михаила Ивановича Крюкова, согреваясь настоенным на бруснике чаем, мы вели беседу. Владимир Сергеевич говорил:

— Молодец, хорошо растет!— В. К. Белявская записывает вес молодого зверя.

На реке Ивнице бобры соорудили большую плотину.

— Вы видели много поселений бобров. Большинство из них — наши «посельщики». Мы водворяем их и на плохие и на хорошие места. Для чего? Чтобы изучить их повадки, накопить опыт. Мы организуем большое промысловое хозяйство. Скоро бобров будут разводить на колхозных фермах так же, как сейчас разводят чернобурых лисиц.

Владимир Сергеевич подумал и добавил:

— Чтобы развивать бобороводство, нужны только кадры. Пора взяться за это дело. Оно доступно каждому колхозу, где есть лесные ручьи и речки, особенно в северных районах лесной русской полосы и Белоруссии.

* * *

По берегу выстроился ряд домиков, похожих на погреба с двускатными крышами. Мы подходим к ним с заведующим бобороводческой фермой, научным работником заповедника Леонидом Сергеевичем Ларовым.

— В этих домиках,— говорит Леонид Сергеевич,— устроены, как в погребе, «творила», крышки. Под ними, в земле, две цементированные камеры, сообщающиеся между собой. Из одной камеры лаз. Он выводит на кормовую площадку, к реке. Площадка огорожена металлической решеткой, спускающейся в воду. Домик строится на две семьи.

Леонид Сергеевич подводит меня к домику, поднимает «творило» и показывает спокойно спящих черных зверьков. Их восемь — маленьких и больших. Леонид Сергеевич ловко выхватывает из кучи спящих животных упитанного «отца семейства». Попав на дневной свет, бобр удивленно таращит глаза.

— Вот он, наша знаменитость, черный воронежский бобр,— говорит заведующий фермой, поглаживая зверя.— Смотрите, какой мех, потрогайте!

Мех действительно хорош: мягкий черный подшерсток, высокая глянцевая серебристая ость.

— Содержание каждого бобра на ферме обходится в сорок — пятьдесят копеек в день. Намного дешевле, чем содержание чернобурой лисицы,— говорит Леонид Сергеевич.

— Слушайте, — спохватываюсь я,— а почему же бобры не уходят на волю? Ведь им же ничего не

стоит прогрызть деревянное «творило».

Леонид Сергеевич весело смеется:

— Эти бобры ручные. Видели, как я брал его на руки? Дикий бобр этого не позволит. Недавно мы проделали такой опыт: открыли решетку, которая загораживает выход на реку, и выпустили бобров. Утром проверили. И что же? Бобры вернулись домой и спят у себя в домике. Ну, а теперь познакомьтесь с нашим главным «воспитателем».

Мы входим в большое теплое помещение. В одной стенке — закрытый лаз. У стен, в загончиках, огороженных легонькой сеточкой, словно поросята, «навалом» спят молодые бобры. Тут и двухгодовалые, и годовалые, и которым меньше года.

Через окно видны кормовые площадки и отделенный металлической решеткой участок реки.

Научный работник фермы Бронислава Константиновна Белявская рассказывает, как здесь «воспитываются» бобры:

— Это очень добрые животные. Ласка, внимательный уход, хороший корм — вот и все. Эти бобры взяты от матерей еще малютками. Выключенные из естественной обстановки чуть ли не с первых же дней рождения, лишенные рефлексов, приобретаемых на воле, они при хорошем уходе становятся совсем ручными.

За окном уже смеркалось. Бронислава Константиновна поглядела на часы.

— Посмотрите, что сейчас будет,— сказала она.— Видите, девушки расставляют корытца с кормом? Эти девушки и выходили бобрят. Комсомольская бригада...

В помещение вошли три девушки: Зина Черкасова, Зина Быханова и Маруся Ремизова. Меня познакомили с ними. Я спросил:

— Давно здесь работаете, девушки?

— Лет пять,— ответила за всех Зина Быханова и, обращаясь к Брониславе Константиновне, спросила: — Ну, что, будить?

— Будите.

Зина подошла к столику и нажала кнопку. Затрещал электрический звонок.

Что тут произошло в загонах! Все вдруг зашевелилось, началась возня, послышалось недовольное, очень похожее на детское капризное хныканье, пофыркиванье; потом звери по очереди двинулись к выходу. Было весело смотреть, как молодые бобры подбегали к корытцам и принимались за еду. Некоторые, встав на задние лапы и взяв в передние побеги осины, «столбушками» спускались к воде, обмывали побеги и, выбравшись на сухое место, принимались их шкурить. Плеск, шлепанье хвостами по воде, ныряние, опять плеск. От сонного спокойствия и тишины мигом ничего не осталось.

Через час меня пригласил к себе в кабинет директор заповедника Василий Васильевич Криницкий. Поставив на стол колбу с темной, приятно пахнущей жидкостью, он сказал:

— В этом сосуде знаменитая бобровая струя, выделение особых желез животного. На воле бобры делают этой струей отметки вокруг своих владений. По таким отметкам члены семьи различают своих и чужих. Семья обычно изгоняет чужих из своих владений. В парфюмерной промышленности без бобровой струи не обойтись. Это лучший закрепитель запахов. Канадские и, если не ошибаюсь, шведские поставщики французских фирм поступают так: убивают бобра, извлекают из него драгоценные железы и добывают струю. Мы добились того, что бобры струю приносят нам сами.

Василий Васильевич, рассматривая жидкость на свет, высоко поднял колбу над столом.

— Могу сказать: при необходимости мы можем добывать струю в большом количестве. Духи «Эллада» и «Юбилейные» изготовлены на нашем закрепителе.

Василий Васильевич поставил на стол большую коробку. Прежде чем открыть ее, он спросил:

— Вы, наверное, знаете, что по-латыни бобр называется кастор-фибр? Слышали вы, конечно, и о касторовых шляпах и о касторовых сукнах. Касторовый — значит бобровый. Шляпа из бобрового пуха весит всего пятьдесят граммов. Тонкие, ноские и легкие касторовые ткани ценятся чрезвычайно дорого. Так вот вам этот пух. Мы его получаем от бобров на нашей ферме простым вычесыванием.

Василий Васильевич открыл коробку, и я увидел в ней нежный и легкий, теплый, словно гагачий, пух.

— Прибавьте к этому великолепный мех бобра, и тогда будет понятно, что может дать народному хозяйству наше «живое богатство»,— закончил беседу директор.

В самом деле: был лес, древний, старый. В этом лесу считанное количество давно и почти повсеместно уничтоженного редкого и дорогого зверя. Но пришел в этот лес новый хозяин, советский человек, хозяин-рачитель, и охрану исчезающего зверя превратил в большое, государственное дело.

...Всходила полная, ясная луна. В лесах бобры давно уже вышли «на работу», и где-нибудь, наверно, уже трещало и падало с шумом подгрызанное дерево. Мне так захотелось увидеть этих ночных «лесорубов», что я немедленно начал собираться на «засидку».

* * *

Торжественный полумрак, настороженный шорох. Пробираемся к Городнянскому ключу на «засидку». Скоро Кудеярово городище.

Перебираемся через ров. За ним — другой. За рвами — высокий земляной вал. Вековые сосны стоят на валу, разметав свои кроны. Дубовый лес разбежался по склонам.

— Она?

— Да, крепость Кудеяра,— отвечает Владимир Сергеевич.

Зрелище внушительное. Размеры крепости говорят, что жил в ней люд организованный и числом не мал.

Короткий зимний день на исходе. Быстро смеркается, и это заставляет нас торопиться.

Вот и ключ, вот и поваленные бобрами деревья, плотина. Из плотины в прогрыз струится вода. И здесь бобры спустили воду. Находим у берега лаз. Вероятно, тут зверь выйдет «на работу». Усаживаемся почти у самого лаза на поваленное дерево, начинаем «засидку». В великом терпении проходит час, другой. Хочется покурить, так и разбирает чихнуть.

Спутник толкает меня в бок и шопотом, едва внятно, спрашивает:

— Слышите?

Вслушиваюсь. Где-то совсем недалеко будто мелко и быстро режут стамеской дерево.

— Вышел на другую сторону,— шепнул Владимир Сергеевич.

И тут вдруг вижу: вода в лазу качнулась. Потом показалась голова с мокрым правильным пробором, как у щеголя, и зверь вышел на ледяную дорожку. Белая дорожка — черная фигурка зверя... И тут... Надо же так! Удар хвостом по льду, резкое движение, рывок к лазу — и только голый хвост мелькнул да вода всплеснулась: Зверь нас учуял. От напряжения и неожиданности у меня на лбу выступила испарина.

— Только хвост и показал,— сказал сокрушенно мой спутник.

На Каверинском кордоне, где ночевали, рассказали мы о своей «засидке» егерю-наблюдателю Григорию Ивановичу Рудакову и ночевавшим здесь лесорубам. Егерь только что вернулся с обхода и «сушился»: сидел на скамье у жаркой печки. Он очень серьезно выслушал наш рассказ.

— Понятно,— подумав, сказал он.— Да вы где были на «засидке»-то?

— Под Кудеяровым городищем.

— Ну, тогда все! Тогда ясно! Иначе и быть не могло.

— Почему?

— На Кудеяровом-то городище?

— Да.

— Ну-у! Да как же вам не ясно? На месте бобра я бы тоже в лаз махнул. Как же иначе-то! Ночь, тишина... Вышел я на работу, а тут два разбойника сидят!..

Лесорубы так и покатились со смеху. Лежа на душистом сене, мы долго смеялись объяснению Григория Ивановича. Особенно трунил над нами один старичок, Иван Егорович. Посидит, поглядит на нас лукаво и скажет:

— Ну и кудеяры! Показал вам бобер хвоста!

И опять все начинают смеяться.

Следы деятельности бобров... Словно лесоруб прошелся по делянке с топором.

Собрание сочинений Теодора Драйзера

«Изображать жизнь такой, какая она есть» — эти слова Теодора Драйзера, крупнейшего писателя-реалиста Америки, могут служить эпиграфом ко всему его творчеству. В его книгах перед нами встает правдивая картина жизни Соединенных Штатов — с вопиющими социальными контрастами, с волчьими законами капиталистической конкуренции. Широкой панорамой проходят продажные губернаторы, полицейские чиновники, судьи, стоящие

за их спиной миллионеры — те, кого Драйзер назвал «главными преступниками нашего времени», — и хищники помельче, как удачливые, так и гибнущие в борьбе за богатство, простые американцы, развращенные законами общества, в котором они живут, и натуры цельные, оставшиеся честными и потому чуждые, враждебные миру «американского образа жизни».

Драйзер прожил трудную жизнь, полную борьбы и лишений. Ему не раз приходилось зарабатывать себе на хлеб тяжелым физическим трудом. Но и впоследствии, когда Драйзер стал видным писателем, жизнь его нельзя было назвать легкой. Его произведения не раз запрещались, изымались из продажи и всегда замалчивались или фальсифицировались. Реакционное литературоведение США продолжает и сегодня извращать его творчество, преуменьшать значение его книг.

Подлинное признание писатель нашел у рядовых людей Америки. Эта органическая связь определила верный, хотя и не легкий и не гладкий путь, по которому шли его творческие и жизненные искания.

С момента возникновения в России советской власти и до конца своих дней Драйзер был верным другом нашей страны. В 1927 году он был в СССР на праздновании десятилетия Октябрьской революции. Наблюдения за жизнью Советской страны помогли ему многое понять в американской действительности. Впоследствии, председательствуя на одной из антифашистских и антивоенных конференций Международной ассоциации писателей в защиту культуры, он скажет: «Развитие коммунизма в СССР пролило ослепительный свет на социальное неравенство в Америке». И если раньше он еще иногда думал, что можно правдиво изображать жизнь, «не вступая в борьбу», то теперь он открыто и последовательно борется на стороне американского народа. На склоне лет, незадолго до смерти (он умер в 1945 году), Драйзер вступил в Коммунистическую партию США. Он писал председателю Компартии США Уильяму Фостеру:

«...распространение влияния компартии необычайно укрепит американский народ и поможет ему вместе с антифашистскими силами во всем мире окончательно искоренить фашизм и достичь новых высот демократии, экономического прогресса и свободной культуры. Вера в величие и достоинства Человека всегда была основным принципом моей жизни и творчества. Поэтому логика моей жизни и творчества привела меня к вступлению в коммунистическую партию».

«Логика моей жизни и творчества...» — Драйзер имел право так сказать. Мы снова и снова убеждаемся в этом, вспоминая его общественную деятельность как защитника угнетенных, борца против фашизма и захватнических войн и перечитывая его книги.

Творчество Драйзера давно известно советскому читателю. Его произведения выходили в СССР много раз; в 1928—1930 годах в Москве издавалось собрание его сочинений.

В настоящее время Государственное издательство художественной литературы выпускает в свет новое собрание сочинений писателя в 12 томах. Произведения Драйзера издаются в заново отредактированном виде, многие из них в новых переводах. Собрание сочинений открывается большим очерком И. Анисимова, по-новому освещающим многие стороны творчества Теодора Драйзера. Каждый том снабжен кратким послесловием, поясняющим историю создания произведения и его место в творческом наследии Драйзера.

В собрание сочинений входят все самые крупные и значительные произведения писателя: романы «Сестра Керри», «Дженни Герхардт», «Финансист», «Титан», «Гений» и «Американская трагедия» — наиболее известный роман Драйзера, который по праву считается лучшим его произведением. Он был написан в 1925 году, в разгар кажущегося процветания Соединенных Штатов, и самим своим названием уже был направлен против официальной американской пропаганды. Драйзер с исключительной силой развенчал «американизм» и показал, что путь к богатству для таких, как Клайд, давным-давно закрыт. Клайд Грифитс, воспитанный по законам американского общества, то есть готовый на все ради личного успеха, и убитая им Роберта Олден самой логикой обстоятельств становятся жертвами этого общества.

Большой интерес представляют два романа, впервые переведенные на русский язык, — «Оплот» и «Стоик», над которыми Драйзер работал в последние годы жизни. Эти книги связывает проходящая через них новая для романов писателя тема — утверждение бессилия капитализма, его внутренней слабости, близкой и неизбежной гибели.

Оставшийся незаконченным роман «Стоик» — это третья заключительная часть грандиозной «Трилогии желания». Перед нами снова миллионер Фрэнк Каупервуд, истории возвышений и крахов которого посвящены две первые части трилогии — «Финансист» и «Титан». Каупервуд затевает новое дело: он организует финансирование лондонского метро. В заокеанской столице этот «финансовый гений Америки» ведет себя с таким же цинизмом, как и у себя дома: хитрит, лжет и лицемерит, подкупает и нарушает законы. Он полон сил, ему сопутствует удача... Но все чаще он возвращается к мысли о том, что его деятельность не нужна обществу и ничего не дает ему самому. Заболев, Каупервуд умирает, не доведя до конца своей новой аферы, умирает с сознанием бесцельности своей жизни.

Значительное место в творческом наследии Драйзера занимают рассказы. В них писатель выступает — так же, как и в своих романах, — правдивым исследователем социальной жизни США. Часто эти рассказы — как бы заготовки, которые потом будут развернуты в широкие реалистические полотна, первые сжатые наброски образов, которые более полно будут раскрыты в романах. В рассказе «Эрнита», вошедшем в сборник «Галерея женщин», который был опубликован в 1929 году, дан первый в американской литературе портрет американского коммуниста. Героиня романа уезжает в СССР и здесь, участвуя в строительстве социализма, находит свое истинное призвание, подлинный смысл жизни. В этом рассказе еще много наивного, неустоявшегося, но именно от него прогрессивная литература США ведет начало традиции правдивого изображения коммунистов — героев «Кларктона» Говарда Фаста, «Большой среднезападной» Александра Сакстона, «Железного города» Ллойда Брауна.

Огромный интерес представляет богатое публицистическое наследие Теодора Драйзера, и в первую очередь его замечательная книга «Трагическая Америка».

Это большое исследование, полное фактов, цифр, статистических данных, было написано Драйзером в исключительно короткий срок и вышло в свет в 1931 году — в разгар мирового экономического кризиса, потрясшего американский капитализм до основания. Книга была сразу же запрещена и изъята из продажи; и не удивительно: на основании огромного материала «фактов и опыта», которыми он располагал, Драйзер доказывает безумие и преступность существующего экономического и социального строя США, гибельность империалистической политики хозяев Америки. «Облик тех господ, — писал он, — которые устами своих правительств объявляют войну для того, чтобы предотвратить падение своих прибылей или выжать новые прибыли (и какие!) из чужих стран, а также из своей собственной, все яснее вырисовывается, как облик самых доподлинных грабителей, международных пиратов (достаточно вспомнить наши собственные, американские войны, начиная с войны 1812 года). Короче говоря, в настоящее время и рабочий и фермер начинают понимать, что им самим война и подготовка к войне не сулит никаких благ, а только кровавые жертвы и еще большую нищету, и поэтому объединяются для совместной борьбы против капиталиста».

«Трагическая Америка» и органически связанная с ней книга «Америка стоит спасения», написанная 10 лет спустя, в 1941 году, — яркие документы революционной критики американского империализма, борьбы за мир и демократию в Америке.

Высокие идеи гуманности и справедливости, любовь к своему народу и заинтересованность в его судьбе, пронизывающие творчество Драйзера, определили значение и жизненность его книг. Их обличительная сила все возрастала по мере того, как обострялись противоречия американского империализма, по мере того, как он становился мировым жандармом. Страстный поборник справедливости, подлинный патриот, хорошо видевший, в чем заключаются подлинные интересы его народа, Драйзер сегодня в первых рядах борцов за социальную справедливость, за мир и демократию.

П. МАКСИМОВ

Книги армянских писателей

Готовясь к предстоящей декаде армянской литературы и искусства, Армгосиздат в течение прошлого года выпустил на русском языке шестьдесят пять названий художественной и музыкальной литературы.

Издательство впервые знакомит русского читателя с такими поэтами, как Амо Сагиян, Сурен Вагуни, Согомон Таронци.

Книги хорошо полиграфически оформлены. Каждая снабжена портретом автора и краткой биографической справкой.

Лауреаты Сталинской премии старейший поэт Армении Аветик Исаакян и молодая поэтесса Сильва Капутикян на книжном складе Армгосиздата рассматривают новые издания.

Фото С. Короткова

Ядвига Климкевич. КОМПОЗИЦИЯ.

ПОЛЬСКИЕ ВЫЦИНАНКИ

Эти яркие, чарующие своей непосредственностью картинки сделаны простыми людьми Польской Народной Республики. Мы говорим «сделаны», ибо их вырезали из обыкновенной глянцевой цветной бумаги ножницами, которыми стригут овец. Они так и называются «выцинанки», что в переводе на русский язык означает «вырезки».

Искусство вырезать рисунки из разноцветной бумаги — сравнительно молодая отрасль народного художественного творчества. Оно существует в Польше около века. Выцинанками занимаются в разных районах страны, но, пожалуй, наибольшее внимание привлекают богатством красок, богатством содержания вырезки, сделанные искусными руками крестьянок Ловичского уезда (Лодзинское воеводство).

Искусство выцинанок передается из поколения в поколение. В долгие осенние и зимние вечера занимаются им женщины. Складывая лист цветной бумаги вдвое, они осторожно, кончиками острых, хорошо пружинящих ножниц, вырезают сначала контур рисунка. Потом на этот контур наклеивают кусочки разноцветной бумаги — и яркая картина готова. Если она сделана больших размеров (иногда до 1,2 метра), то ею украшают стены жилища. Маленький рисунок наклеивают на плотный картон и используют как почтовую открытку.

Выцинанки бывают разной формы: прямоугольные, круглые, продолговатые, подобные звезде и т. п. На одних изображены декоративные цветы, растения, птицы, чаще всего петухи — вестники нового дня, как на замечательном рисунке Ядвиги Климкевич. На других мы видим бытовые сцены из сельской жизни. Характерно, что в ловичских выцинанках все более широко находит отражение жизнь современной деревни. Эти рисунки — еще одно подтверждение реализма народного искусства, искусства, очень непосредственно и несколько наивно раскрывающего окружающий мир.

Наряду с традиционными «пряхами», «ткачихами», «водопоем скота», «свадьбами» появились новые темы — будни новой деревни, становящейся на путь социализма. Распространены такие композиции, как «Пахота по-новому» Марии Колачинской, «Коллективная обработка льна» Эльжбеты Жачек, «Образцовая свиноферма» Марианны Петшак, «Жнива» Станиславы Богуш.

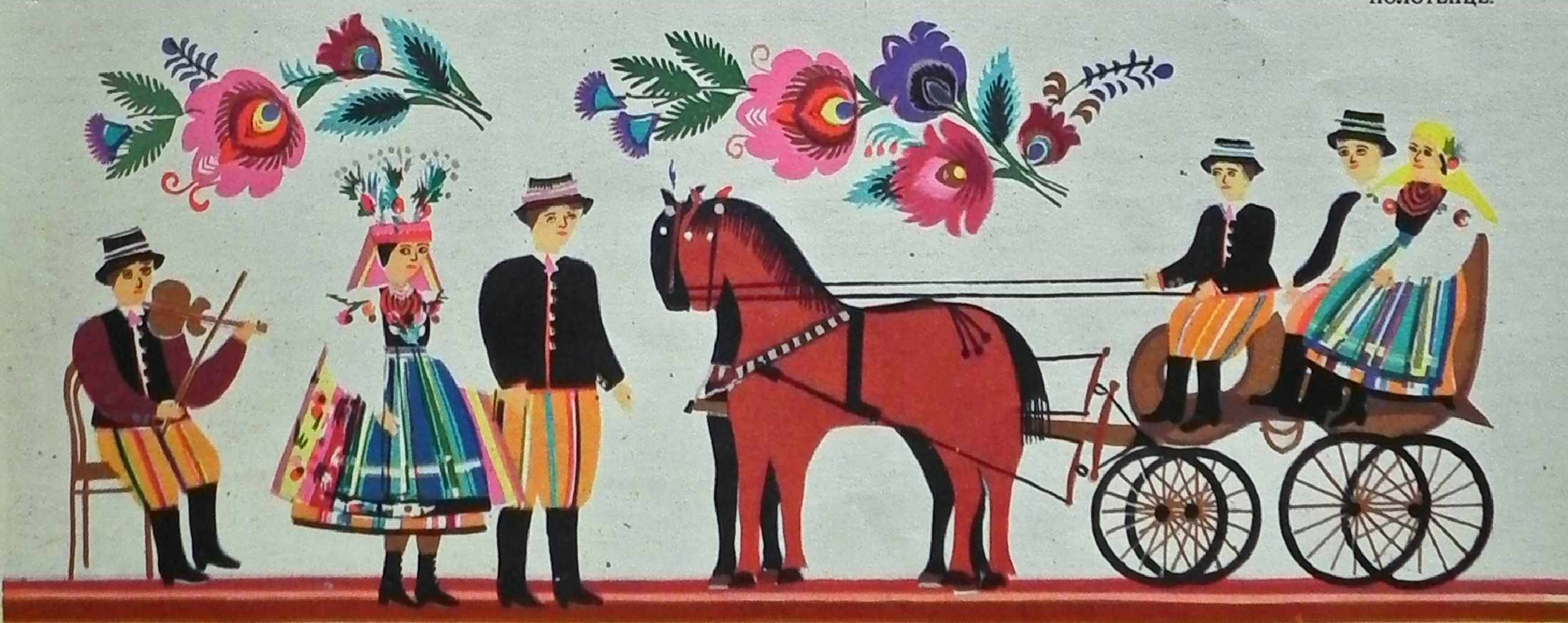
В жилищах селян появляются выцинанки, на которых вы видите новую польскую деревню — с электричеством, библиотекой-читальней, школой, кооперативной лавкой Союза крестьянской взаимопомощи, с автомашинами, на которых из рабочего города в деревню идут сельхозмашины, удобрения, одежда и другие нужные деревенскому жителю товары. Рисунки эти отражают борьбу за подъем животноводства, за ликвидацию неграмотности, борьбу за мир. София Вехно из села Вежновице свой рисунок посвятила состоявшемуся в Варшаве в конце 1950 года Второму Всемирному конгрессу мира.

Новь, радостная новь Польской Народной Республики все больше пробуждает творческие силы народа. И эта радость новой жизни выражена чудесным языком народного творчества.

Мих. ЯРОВОЙ

Марианна Петшак. ПОЛОТЕНЦЕ.

Марианна Петшак. СВАДЬБА.

Мария Колачинская. ПАХОТА ПО-НОВОМУ.

Эльжбета Жачек. КОЛЛЕКТИВНАЯ ОБРАБОТКА ЛЬНА.

Марианна Петшак. ОБРАЗЦОВАЯ СВИНОФЕРМА.

МАСТЕР ЖИВОПИСИ

К 60-летию со дня рождения В. Н. Яковлева

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник РСФСР

Автопортрет.

Василию Николаевичу Яковлеву исполнилось шестьдесят лет. Творческий путь талантливого мастера живописи своеобразен и ярок.

Юношей попадает он в школу В. Н. Мешкова — отличного педагога. Будучи студентом Московского университета, Яковлев одновременно занимается и в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Быстро и успешно пролетают годы ученичества. Ближайшие наставники юного живописца — талантливые мастера Малютин, Коровин, Архипов.

Затем приходит знакомство с шедеврами Эрмитажа, с поразившими его полотнами Рибера, Иорданса, Снайдерса, с живописью «малых» голландцев. Стремление к строгому рисунку, к чеканной форме, которыми он так восхищался в работах старых мастеров, сохранилось во всем последующем творчестве художника. Желая овладеть мастерством, Яковлев изучает реставрационное дело. Он выполняет такие капитальные задания, как реставрация картин Яна Мостарта, Рафаэля, Рембрандта, Иорданса и других западных мастеров.

Но творческий темперамент художника не дает ему замыкаться в узкие музейные рамки, он продолжает все время работать с натуры. По поручению Московского земельного отдела он выполняет более 300 работ на сельскохозяйственные темы. За эти произведения он получает «Большую золотую медаль».

В первые послереволюционные годы в горячих спорах молодежи об искусстве родилась мысль создать новое общество художников, у которых основой творчества являлось бы отражение явлений, характерных для новой эпохи. К молодежи присоединялись и старики: первый народный художник молодой республики — старый передвижник Н. А. Касаткин, носители традиций реализма А. Е. Архипов, В. Н. Мешков, В. Н. Бакшеев, М. И. Авилов и М. Б. Греков. В создании АХРР (Ассоциация художников революционной России) горячее участие принял и В. Н. Яковлев. Все эти художники объединили свои усилия в борьбе за утверждение реализма.

А. М. Горький, посетивший выставку картин Яковлева, пригласил художника к себе в гости, в Италию, где художник еще глубже знакомится с искусством Ренессанса.

Характерно, что познание высших достижений западной классики только сильнее укрепило любовь Яковлева к наследию русских мастеров. В статьях и выступлениях по радио Яковлев немало сделал для пропаганды русского классического наследия. Аргунов, Левицкий, Рокотов, Боровиковский, Ал. Иванов, Брюллов, Федотов, Шишкин, Суриков, Репин встали перед слушателями во весь свой рост.

На выставке «Индустрия социализма» появляется большое полотно Яковлева — «Стахановцы-золотопромышленники пишут письмо товарищу Сталину» — и портреты старателей, писанные с натуры на одном из уральских золотых приисков. Любовь к советскому человеку, понимание его коренной, крепкой связи с родной землей, бодрость и сила — вот что характеризует эти работы. Нельзя не упомянуть о большом количестве портретов, созданных Яковлевым в разные периоды жизни. Его привлекают рядовые советские люди. В его портретной галерее колхозники, рабочие, ученые, артисты, архитекторы.

Серию натюрмортов — «Овощи и консервы», «Рыбы Севера» и другие — пишет Яковлев под впечатлением поездки в Мурманск. На рыболовецких промыслах делает он множество этюдов и зарисовок людей в процессе труда. Позднее появляются его полотна «Белугу поймали», «Невод идет». Север дарит художника и охотничьими впечатлениями. Их плод — такие картины, как «Возвращение с охоты», «Охотничьи трофеи», «Битая дичь», «Глухари и вальдшнепы».

В 1938 году Яковлев был главным художником на строительстве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Эта его работа была отмечена орденом Ленина.

Во время Отечественной войны художник побывал на фронтах. Ряд портретов и картин — результат этих поездок. «Портрет партизана» был удостоен Сталинской премии. Среди батальных картин этого периода выделяются: «Бой под слободой Стрелецкой», «Разгром румынской конницы в Сальских степях», «На ближних подступах к Москве», «Бой под Москвой».

Отгремели бои. Страна возвращается к мирной жизни. Яковлев, поселившись недалеко от города Дмитрова, пишет этюды к большому холсту «Колхозное стадо», отмеченному затем Сталинской премией.

Всему творчеству Яковлева присущ мастерской рисунок, стремление привнести в советское искусство традиции русской классики. Сейчас Яковлев возглавляет бригаду художников, которой поручено восстановить разрушенную при осаде Севастополя панораму Ф. А. Рубо — классика русской батальной живописи. Не случайно эта работа доверена именно Яковлеву — видному советскому мастеру, всегда особенно бережно относившемуся к классическому наследию.

Возвращение с охоты.

«Под небом Италии» — балет В. Юровского в Киевском театре оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Танец Лючии.

Два балета

Сегодня рядом с такими выдающимися созданиями советского балетного искусства, как «Красный мак», «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Медный всадник», «Гаянэ», «Лейли и Меджнун», «Золушка» и другие, могут быть названы новые значительные произведения балетного искусства. Киевским театром оперы и балета имени Т. Г. Шевченко недавно поставлен балет композитора В. Юровского «Под небом Италии» (либретто Р. Захарова), рисующий картины борьбы итальянского народа за мир. По мотивам поэм классика азербайджанской литературы Низами на сцене Бакинского государственного театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова осуществлен новый балетный спектакль «Семь красавиц» композитора Кара-Караева.

Печатаемые статьи посвящены этим новым работам советского театра.

«Под небом Италии»

Ирина **МОРОЗОВА**

Мощные фанфары оркестра возвещают начало увертюры. В ее динамической, выразительной музыке явственно различаются звуки гимна Коммунистической партии Италии «Бандьера росса» («Красное знамя»). В ней выражены мужество непокоренного народа, вера в его светлое будущее.

Мелодия гимна избрана как своеобразный эпиграф к новому балету В. Юровского «Под небом Италии» (либретто Р. Захарова), поставленному Киевским академическим театром оперы и балета имени Т. Г. Шевченко (постановщики — С. Сергеев и Р. Захаров).

Балет «Под небом Италии» рассказывает о борьбе трудящихся за мир и свободу, за национальную независимость, против американских оккупантов. Неизбежны торжество дела народа, его победа — такова основная идея балета. Использованная композитором мелодия гимна, которую зритель слышит в решающих сценах спектакля, является ярким музыкально-образным воплощением этой идеи.

Действие происходит в одном из итальянских портовых городов, где хозяйничают американские империалисты.

...Утро в порту. Далеко простирается гладь лазурного моря. Звучит напевная и полная чувства мелодия баркароллы, создающая поэтический образ смелого и жизнерадостного, свободолюбивого и одаренного народа.

Женщины и девушки ждут своих родных и друзей, которые ушли в море на рыбный промысел. Среди ожидающих продавщица газет Лючия с маленьким братом Пьетро. Дети затевают танцы, темп их живой и энергичный. Радостна встреча с вернувшимися моряками. Темпераментная пляска мужчин завершает эту яркую, полную жизни сцену.

Но вот иная картина — проводы итальянских юношей, мобилизованных американцами в Корею. Скорбно и протяжно звучит тема баркароллы, раскрывая горе народа, оплакивающего своих сыновей.

Хищным американским агрессорам, изображенным выпуклыми штрихами, противопоставлены главные герои балета — простые люди, патриоты своей родины. Молодой рыбак Джузеппе вместе с Валентино и другими бастующими докерами, отказавшимися разгружать американский пароход, схвачены полицией и брошены в тюрьму. Освобождение отважных борцов за мир — одно из требований рабочих, начавших всеобщую забастовку. Стойкость и воля организованных рабочих побеждают: Джузеппе, Валентино и другие сторонники мира освобождены из тюрьмы. Народ, возмущенный наглостью оккупантов, сбрасывает в море американские танки. Тверда и уверенна поступь демонстрантов, в первых рядах которых идут вожак портовых рабочих Валентино, его помощники Лючия и Джузеппе.

Но вот в оркестре звучит мелодия советской песни «Широка страна моя родная», песни, обошедшей весь мир. В порт прибывает советский пароход «Тимирязев», доставивший итальянскому народу хлеб. Эта сцена как бы воспроизводит недавние события, когда в тяжелые дни наводнения в долине реки По Страна Советов пришла на помощь нуждающимся итальянцам. «Дружба с Советским Союзом — дорога к миру» — эти слова вождя Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти послужили основой для создания величественной кантаты «Для мира Сталин — это значит мир», которую исполняет хор, введенный в финальную сцену балета. В выразительных хореографических сценах, естественно сливающихся с пантомимой, в музыке балета разносторонне раскрывается национальный характер простых людей Италии.

Картина из 2-го акта. Танец Валентино.
Фото Н. Козловского

Танец дворцовых девушек.
Фото Н. Кашинского

Балерины В. Потапова и Л. Герасимчук создали облик Лючии, мужественной, пылкой и отважной дочери народа, подкупающей своей душевной красотой. Танцы артисток хорошо передают решительный характер Лючии, ее светлую любовь к Джузеппе, ее мечты о счастье. Запоминается темпераментная тарантелла, которую исполняет на рыночной площади Лючия, возмущенная вульгарным танцем Бианки (артистка З. Лурье), продавшейся американцам.

Балет не лишен недостатков. Композитору, широко использовавшему в партитуре песенное и танцевальное творчество итальянского народа, в общем удались лирические эпизоды, но внутренний мир действующих лиц остался все же нераскрытым. Например, для характеристики образа Валентино (артист А. Сегаль) автор использует главным образом «Рабочий гимн», что придает образу чисто символическое звучание и снижает его жизненность. Мало в балете разнообразных хореографических соло, которые помогали бы всестороннему раскрытию характеров. Нельзя не упрекнуть автора музыки и в прямом цитировании известных песенных мелодий вместо их органического развития в партитуре.

При всем этом балет «Под небом Италии» — бесспорное достижение советского музыкального искусства. Коллектив Киевского театра оперы и балета можно поздравить с интересным и значительным спектаклем.

«Семь красавиц»

П. ГУСЕВ,
заслуженный артист РСФСР

Имя великого сына азербайджанского народа поэта-мыслителя Низами знает и чтит все прогрессивное человечество. Столетия тому назад, в мрачные времена средневековья, Низами создал свою «Пятерицу» — пять поэм глубокого философского содержания и совершенной художественной формы; одна из них — «Семь красавиц». В них он провозгласил славу свету, свободе, гуманности. Поэт воспел величие простого человека, объявив знание и труд движущими силами жизни, а народ — истинным и единственным хозяином вселенной.

Баку — город, в котором гений Низами увековечен величественным памятником, улицами, площадями, театром и музеем, носящими его имя. Здесь, в Театре оперы и балета имени Ахундова, только что осуществлена постановка балета «Семь красавиц» по мотивам поэм любимого певца азербайджанского народа.

С верно понятым чувством современности авторы либретто И. Идаятзаде, Ю. Слонимский и С. Рахман создали оригинальный сюжет, не просто копирующий фабулу поэмы «Семь красавиц», а творчески использующий идеи, темы и образы поэм Низами.

Музыка балета написана композитором Кара-Караевым. Широкий поток эмоционально-выразительных мелодий, оркестровая изобретательность отличают новое произведение Караева. Широк и разнообразен круг его музыкальных образов, лучшие из них раскрывают мужественный и обаятельный облик народа. Особые краски находит в своей музыкальной палитре автор для характеристики угнетателей народа. Богата мелодическими красками танцевальная сюита в третьем акте — танец семи красавиц. Особой силы достигает музыка в сценах народной скорби, в сценах столкновений ремесленников с шахом и его изгнания. Танцы, массовые и сольные сцены, дуэты — все удалось композитору, создавшему цельное реалистическое произведение. От балетмейстера требовалось выразить все это на языке классического танца и вместе с тем взять все лучшее и яркое, что заключено в сокровищнице азербайджанского танцевального фольклора.

Перед авторами балета, постановщиками и исполнителями стояла сложная задача — сделать народ главным героем спектакля, показать, как в нем постепенно складывается убеждение в своем праве самому решать собственную судьбу. Народ выдвигает героев, таких, как воин Мензер (артист К. Баташов), простых, честных, смелых и умных людей, таких, как семь ремесленников, любящих свою родину и свой народ, способных стать справедливыми и беспощадными судьями своего правителя — самовлюбленного сластолюбца шаха Бахрама (артист Ю. Кузнецов) и жадного и жестокого его визиря (в этой роли выделяется А. Урванцев).

Целомудренной, нежной и благородной героине спектакля — простой девушке Айше (исполнительницы — Г. Алмасадзе и Л. Векилова) — противопоставляется душный мир дворца и его гарема, в котором господствуют семь красавиц.

К участию в новом балете были привлечены лучшие силы театра, и это помогло создать цельный и красочный спектакль.

Дуэт «Прекраснейшей» из семи красавиц (Р. Ахундова) и шаха Бахрама (Ю. Кузнецов).

Сцена из спектакля «Честь семьи» Г. Мухтарова.

ТЕАТР НА КОЛЕСАХ

«...В густом облаке пыли появлялось странное сооружение, напоминавшее одноэтажный дом на саженных колесах. В городок въезжал дилижанс. Развернувшись на базарной площади, дилижанс останавливался у ворот «заезжего дома», и из него выходило сорок злосчастных путников. Праздная, гуляющая публика с любопытством разглядывала вновь прибывших... Пять минут спустя все объясняла афиша-анонс. Афиша возвещала гастроли труппы русских драматических актеров».

Так рассказывается о приезде артистов на гастроли в провинциальный город до революции.

«...И опять дилижанс на саженных колесах... утопающая в грязи дорога, почтовый тракт среди оголенных лесов и полей, по которым гуляет злой, осенний ветер...»

Все это вспомнили мы, отправляясь в гастрольную поездку с труппой Ленинградского областного драматического театра в Невскую Дубровку.

В центре широкой, залитой асфальтом площади большое красивое здание Дома культуры. У входа красочная афиша. Ленинградский государственный областной драматический театр показывает новый спектакль — «Честь семьи» Г. Мухтарова. Начало первого спектакля в 3 часа дня, второго — в 8 часов вечера. У небольшого окошечка кассы лаконичная надпись: «Билетов нет, все проданы!»

Дубровский Дом культуры — самый молодой в области — в ноябре отмечал свою первую годовщину. Это не единственная новая сценическая площадка Областного передвижного театра. В послевоенные годы отстроены на месте руин новые дворцы культуры и клубы в Жихареве, Сланцах, Волхове, Бокситах, Приморске, Светогорске и других городах и поселках области.

...За кулисами заканчивались последние приготовления к спектаклю. Смонтированы декорации, доставленные сюда из Ленинграда на автомашине, дан свет. Актеры загримировались и вышли на сцену: «примериться» к площадке. Играть приходится на разных сценах: третьего дня театр выступал в Ленинграде, во Дворце культуры со зрительным залом, вмещающим свыше двух тысяч зрителей, вчера — в сельском клубе, сегодня — в поселке. Но спектакль должен быть везде одинаково хорош.

В зрительном зале уже заполнены все места; тут и рабочие-энергетики, и колхозники из соседних сел, учащаяся молодежь, интеллигенция. В три часа дня медленно гаснут люстры, и сразу стихает шум.

Раскрывается темнокрасный бархатный занавес, и в зале вспыхивают аплодисменты: публика дружно выражает свое одобрение оформлению художника И. С. Белицкого.

В открытые настежь окна гостиной квартиры старого рабочего-железнодорожника Аллана Мерданова виднеется в лучах вечернего солнца красочная панорама столицы Туркмении — Ашхабада.

На сцене появляется Алты Солтанов, колхозный счетовод. Зрители долго всматриваются, вслушиваются в голос и наконец узнают, кто исполняет эту роль, — Алексей Викторович Трей. У него здесь немало друзей. В прошлом сезоне театр приезжал сюда с самым популярным своим спектаклем — «Сын рыбака», — поставленным по одноименному роману В. Лациса. Трей создал в этом спектакле запоминающийся образ Оскара Клявы — труженика моря, вступающего в борьбу с кулаками. Теперь Трей исполняет роль колхозного счетовода, непримиримого к нарушителям советских законов.

С интересом смотрится спектакль, перед зрителем проходит галерея образов советской семьи. Главу ее — машиниста Аллана Мерданова — играет В. Г. Красно, роль врача Зины Соловьевой, породнившейся с туркменской семьей, приютившей ее в дни войны, исполняет Н. В. Хазак.

Многие сидящие в зале знакомы с биографией этих актеров, в дни Отечественной войны сражавшихся с немецкими захватчиками у Невской Дубровки. Надежда Васильевна Хазак была разведчицей морской бригады. Здесь, у Невской Дубровки, она получила тяжелое ранение. И вот, окончив после войны театральный институт, она сегодня играет на сцене Дома культуры, воздвигнутого на том месте, где разведчица Хазак побывала с автоматом.

В Дубровке хорошо знают также занятых сегодня в спектакле артистов В. И. Старостина, С. М. Кричевского, В. П. Коняхину, А. П. Павлычеву, А. Д. Согомонян и других работников сцены. Не отдельными творческими удачами характерен этот небольшой коллектив, а своим сплоченным ансамблем.

Вечером снова раздвигается занавес на сцене Дома культуры. Начинается повторный спектакль. И опять в зале ни одного пустого кресла. Этот день рекордный у труппы областного театра. Разделившись на три группы, актеры дали утром и вечером шесть спектаклей: в Невской Дубровке, в Кронштадте и в Ленинграде.

В этом сезоне передвижной областной театр намерен показать в городах и селах, районных центрах сто восемьдесят выездных спектаклей. В общей сложности актеры проедут в автобусах, на поездах, автомашинах двенадцать тысяч километров.

К. ЧЕРЕВКОВ

Артисты у Дома культуры в Невской Дубровке.

Фото И. Фетисова

Сцена из спектакля «Сын рыбака» по роману В. Лациса.

В ДЕНЬ ЛЫЖНОЙ ГОНКИ

Пригородные поезда в день большой гонки похожи на лыжные станции, снявшиеся со своих мест и двинувшиеся на колесах за город. Вагоны забиты лыжами. Лыжи громоздятся в проходах, у стен, лежат на полках и на полу. Это направляются к старту не только участники гонок, но и зрители.

На груди у паренька номер «51». Это Павел Колчин.

Лыжный болельщик — болельщик особого типа. Для того, чтобы наблюдать борьбу на дистанции, он должен перемещаться по трассе, а двигаться по глубокому снегу без лыж невозможно. И зрители, заранее изучив маршрут дистанции, записав номера наиболее сильных гонщиков, устремляются в те места, где борьба будет наиболее напряженной. Они толпятся на трудных подъемах — «тягунах», как называют эти подъемы лыжники, у крутых петлистых спусков. Они встречают там своих любимцев, а затем переходят на новые места, чтоб ничего не пропустить.

Вот почему у списка участников гонок на 18 километров было не менее людно, чем в вагонах.

Лыжный старт тоже имеет свои особенности. В беге старт занимает какую-нибудь долю секунды — одно мгновение: выстрел судьи — и все участники устремляются вперед. В лыжном спорте старт, как правило, раздельный. Это значит, что участники уходят на дистанцию с интервалом в тридцать секунд. В гонке принимало участие свыше 180 человек, и, таким образом, старт продолжался девяносто минут — полтора часа.

Казалось бы, что все это — глубокие снега, преграждающие зрителям путь, сложный старт — должно затруднить наблюдение за гонкой. Но, кроме лыж, болельщики вооружены еще секундомерами. Они отлично ориентируются в борьбе и по темпу безошибочно определяют лидеров.

Имена основных претендентов на победу, видимо, широко известны всем, кто в эти предстартовые минуты собрался около списков с номерами участников. То и дело раздаются вопросы: «Каким номером идет Оляшев? А Матюшенков? Борин участвует?..»

Эти гонщики в течение уже нескольких лет являются неизменными победителями, и многие удивленно оглянулись, когда какой-то

Развивать максимальную скорость на спуске!

юноша в легкой фланелевой курточке и в лыжной шапочке, лихо сдвинутой на одно ухо, спросил:

— А где Колчин? Павел Колчин? Какой его номер?

Это имя новое. Оно неизвестно многим, а юноша продолжает называть другие малоизвестные имена.

— Кузнецов идет двадцать вторым,— говорит он, тщательно записывая этот номер в свой блокнотик, — Бутаков — сто сорок вторым...

— Это кто, молодежь из сборной? — спрашивает другой паренек и добавляет с восхищением:

— Ну и здорово ходят, дадут сегодня жару заслуженным!..

...Все три молодых гонщика — Колчин, Кузнецов и Бутаков — впервые вошли в сборную команду страны, стали рядом с известными лыжниками. В прошлую зиму они неожиданно для всех сказали свое веское слово на первенстве страны. В гонке на 18 километров Владимир Бутаков проиграл победителю —

Не терять ни секунды на крутом подъеме!

«У Колчина лучшее время, быстрее вперед!» — говорит заслуженный мастер спорта Д. М. Васильев Владимиру Оляшеву.

Фото Н. Волкова

известному лыжнику Валентину Матюшенкову — всего тридцать секунд, Павел Колчин был третьим, отстав от Матюшенкова на 46 секунд. Молодой гонщик Михаил Мизюкаев занял четвертое место. Больших успехов добились молодые лыжники и на дистанции в тридцать километров, где Алексей Кузнецов показал шестой результат...

Найти молодых лыжников было не так уж сложно: у каждого гонщика на груди прикреплен номер. И вот около невысокого легкого паренька в синем свитере, смазывающего лыжи, уже толпится народ. На груди у паренька номер «51». Это Павел Колчин.

Болельщиков интересует, когда молодой лыжник стал заниматься спортом, в каких соревнованиях он участвовал. И Павел Колчин, явно смущенный неожиданным вниманием, рассказывает, что ему двадцать два года, что он начал ходить на лыжах в Ярославле, когда учился в школе, а затем в физкультурном техникуме. В прошлом году в борьбе с Матюшенковым он прошел дистанцию за 1 час 4 минуты 52 секунды. Он, видимо, обескуражен тем, что ему нечего рассказывать, что его спортивная биография только начинается, что в ней заполнена только первая строка. Но именно это и вызывает симпатию окруживших его болельщиков. И когда Колчин становится на лыжи для того, чтобы разогреться перед стартом, все желают ему победы.

А в это время на старте уже первые номера. Лыжники стоят в ожидании своей очереди, и рядом с каждым товарищ, которому в последний момент будет сброшено накинутое на плечи пальто. Вот около судьи остановился маленький, круглолицый паренек с номером «22» на груди. Это Алексей Кузнецов, которым интересовались зрители, столпившиеся у списка участников гонки. Он ровесник Колчина и его друг. Они тренируются вместе. Кузнецов вырос в колхозе имени Тимирязева, Горьковской области. Этот колхоз славится своими лыжниками. Там выросла Полина Гостинцева, ставшая одной из сильнейших гонщиц страны, и вот теперь мы знакомимся с ее воспитанником Алешей Кузнецовым. На него обращены взгляды зрителей, собравшихся на старте, судей... Взмах флажка — и Кузнецов легко и быстро уходит вперед, попеременно взмахивая палками, набирая скорость с каждым шагом. А вслед за лыжником, держась от него в стороне, чтобы не мешать, спешат и многие болельщики. Среди них пожилые люди, для которых лыжи давно уже стали любимым отдыхом, и группы молодежи, которые уходят на дистанцию вместе со своими тренерами, чтобы посмотреть на технику и тактику лучших гонщиков страны. Спешат с рюкзаками за спиной представители спортивных обществ, друзья участников гонки, чтобы встретить лыжников где-нибудь на трудном участке, дать попить, сообщить их время.

Время! До сих пор результатам, которые показывали гонщики, не придавали особого значения. В отличие от других видов спорта в лыжах рекорды не регистрируются. Слишком различны условия, при которых проходит каждая гонка: качество снега, температура, сложность дистанции. Теперь перед нашими мастерами поставлена одна задача: бороться за высокие скорости. Лыжники должны стремиться к тому, чтобы пробегать 18 километров не больше чем в один час, 50 километров не больше чем в три часа. До сих пор это удавалось очень немногим. Так, например, Валентину Матюшенкову всего один раз удалось пробежать 50 километров за 2 часа 59 минут, и никто до сих пор не может повторить его времени. Лучший результат на 18 километров у Федора Терентьева — 1 час 1 минута.

Для того, чтобы систематически выполнять установленные нормы, для того, чтобы ускорять бег, путь один: совершенствовать технику, тратить как можно меньше времени на крутых подъемах, как можно быстрее двигаться на спусках, по лесам и полям. И гонщики, выполняя поставленную перед ними задачу, с первых же шагов стремятся развить наибольшую скорость. Они бегом преодолевают горы, несутся вниз, изо всех сил отталкиваясь палками, стремятся к тому, чтобы применить на том или ином участке наиболее выгодную технику бега.

На огромном кругу разгорается борьба, которую с интересом наблюдают болельщики. Вслед за Алексеем Кузнецовым и Павлом Колчиным устремляются на дистанцию грозные противники: Петр Володин, Федор Терентьев, Валентин Матюшенков, Владимир Оляшев. Но это не смущает молодежь. После 13 километров у Колчина лучшее время, и болельщики кричат ему:

— Выигрываешь у Матюшенкова восемь секунд!

А в это время со старта продолжают уходить все новые спортсмены — Смирнов, Бутаков, Борин.

Чем меньше остается на старте лыжников, тем меньше остается и зрителей. Постепенно все они расходятся по дистанции, но к тому моменту, когда близится финиш первых номеров, зрители появляются снова. Вон мелькнула впереди маленькая ловкая фигурка, устремилась вниз со спуска, выскочила на ровную лыжню и стала быстро приближаться. Кто это? Теперь уже можно разглядеть цифру на груди гонщика. Это Алексей Кузнецов! Вышедший со старта двадцать вторым, он первым кончает гонку. Вот известно уже его время: 1 час 10 минут 33 секунды. Скольжение сегодня плохое. Но вот финиширует и Павел Колчин. Секундомеры показывают: 1 час 7 минут 58 секунд. Удастся ли Матюшенкову и на этот раз победить своего молодого противника? Нет, на этот раз Матюшенков проигрывает! И только Владимир Оляшев показывает еще лучший результат: 1 час 6 минут 58 секунд. Павел Колчин занял второе место.

Так закончилась первая проба сил в новом зимнем сезоне. Но впереди много интересных встреч, и еще не раз прозвучат на лыжне имена молодых гонщиков.

В. ВИКТОРОВ

Из прошлого русского спорта

Бутылкин побеждает Аренда

А. Бутылкин.

Вилли Аренд выиграл первенство мира по велосипедному спорту в 1897 году и, как писали спортивные обозреватели, «ногами нажил себе довольно крупное состояние». Как бы там ни было, но вскоре после всемирного чемпионата на главной улице Берлина, Унтер ден Линден, появился новый табачный магазин, где продавались папиросы «Вилли Аренд». Хозяином магазина был сам чемпион мира. Злые языки утверждали, что в Аренде спортсмен прекрасно уживался с коммерсантом. Может быть, поэтому Вилли Аренд, не в пример другим чемпионам, никогда не отказывался от приглашения выступить за границей, лишь бы представлялась возможность сорвать куш. Подобные виды и привели Аренда в ноябре 1899 года в Москву на Интернациональные велогонки.

Вместе с чемпионом мира приехали прославленный итальянский спринтер Фредерико Момо, обладатель Большого приза Парижа, и его соотечественник Пазини.

По поводу приезда иностранных знаменитостей московский журнал «Циклист» восторженно писал: «Интересно будет видеть борьбу таких двух колоссов, как Момо и Аренд. Интерес усугубится, если к ним прибавятся еще Уточкин и Бутылкин».

Оба русских гонщика имели за плечами немало блестящих побед: каждый из них неоднократно выигрывал звание чемпиона России.

Вечером 14 ноября клуб циклистов «Москва» был переполнен зрителями; их насчитывалось более двух тысяч.

Приветливо встретили москвичи гостей. Высокий, представительный Аренд катил первым по дощатому настилу трека. За ним разминались остальные: рослый Момо, улыбающийся усач Пазини, замыкали строй плотный рыжеволосый одессит Уточкин и любимец москвичей стройный, тонколицый Бутылкин.

Начало гонок возвестил удар колокола. Предварительные заезды на полторы версты, хотя проходили в острой спортивной борьбе, не принесли ничего неожиданного. Победителями вышли сильнейшие: Аренд, Момо, Бутылкин, Уточкин, Пазини и Федотов. Спортивный жребий свел в первом полуфинале Бутылкина и Аренда.

Выстрел стартера бросает гонщиков вперед. Ведет гонку третий участник полуфинала, Федотов, за ним устремляется Аренд. Но Федотов — твердый «орешек» — не сдается. Аренд выкладывает всю свою недюжинную силу и наконец настигает упорного Федотова. Чемпион изрядно устал. Затаив дыхание, ждут москвичи развязки: они знают, на что способен их любимец Бутылкин, который идет третьим.

Последний круг. Бутылкин начинает усиленно работать ногами. Как вихрь, проносится он мимо ошеломленного Аренда и первым пересекает финишную линию. Чемпион бит!

Но впереди еще финал.

Как и в полуфинале, Бутылкин после старта идет последним, пропустив вперед Момо и Уточкина. Итальянец и одессит мчатся рядом, зорко следя друг за другом. Это старые противники. Постепенно к двойке приближается Бутылкин. Момо становится «тесно» от этого соседства, и он нехотя перекладывается на третье место. Обстановка проясняется: судьбу гонки решит поединок Уточкин—Бутылкин.

Уточкин вынужден уступить у самой ленточки. Третьим приходит итальянец. Таким образом, побежден и второй «колосс» — Момо.

Но на этом борьба еще не кончается. Аренд требует реванша.

И вот Аренд и Бутылкин снова на старте. Стартер поднимает руку с пистолетом вверх...

Гонку лидирует Аренд: одно время кажется, что планам чемпиона суждено сбыться: Бутылкин не выказывает никакого желания обходить соперника... Но Аренду рано радоваться. Точно за круг до финиша Бутылкин делает сильный рывок. Аренд не в состоянии бороться с москвичом. Вот он промелькнул мимо чемпиона с взвихренными белокурыми волосами. Все кончено...

Потерпев два поражения, Аренд уезжает домой. Без приза отбывает и Момо. На вокзале знаменитых гостей провожают вездесущие журналисты. И вот что один из них пишет: «Третий звонок. Поезд свистнул и увез чемпиона мира, оставившего в Москве часть своей мировой славы...»

Н. БОРИСОВ

ЮККА

На Черноморском побережье Кавказа и Крыма часто встречаются красивые вечнозеленые растения, увенчанные пучками длинных кожистых листьев, похожих на остроконечные мечи. Эти растения особенно эффектны в начале лета, когда высоко над их листьями подымается пирамида с густыми гроздьями колокольчатых белых цветков.

Это юкки, представители полупустынь Центральной и Южной Америки. Более полувека назад они нашли себе вторую родину в субтропиках нашей страны. Они принадлежат к семейству лилейных и поражают крайним разнообразием своих видов и форм. Одни из них почти достигают высоты двухэтажного дома, другие жмутся к земле и едва превышают высотой метр.

Юкки не только декоративны, но и весьма полезны. Из их листьев получают крепкое блестящее белое волокно, пригодное для изготовления веревок и шпагата, грубых и упаковочных тканей, сетей и бумаги. Некоторые разновидности юкки дают съедобные плоды. Более мягкие листья могут быть использованы для корма скота.

Юкки на своей родине опыляются маленькими беловато-желтыми бабочками по имени пронуба. Вечером и ночью они целыми роями кружатся вокруг цветков и своими длинными хоботками переносят пыльцу. В нашей стране этих бабочек нет, и поэтому прибегают к искусственному опылению.

Юкки неприхотливы: они хорошо растут даже на почвах сухих и каменистых, легко размножаются черенками, корневыми отпрысками, кусочками корневищ, воздушными отводками и семенами.

Юкки необыкновенно живучи. Если сломанный ствол пригнуть к земле, то у него образуются придаточные корни и вырастет новая крона листьев. Попробуйте в палящий зной выкопать юкку вместе с корнями и оставить ее в течение нескольких дней на солнце. После посадки она будет снова расти и развиваться.

Считается, что юкки теплолюбивы и могут жить лишь в зоне субтропиков. Между тем среди них имеются виды, хорошо зимующие в Средней Азии и на юге Украины, где нередко лютуют суровые морозы.

Недавно советский ученый Ф. Н. Русанов изучил в Ташкенте биологию юкк и скрестил между собою наиболее морозостойкие формы. Получились интересные гибриды. Уже в первом поколении они значительно превзошли своих родителей ростом, мощными кронами, сильными листьями, обильным цветением. Однако самое ценное свойство этих гибридов в том, что они не боятся холода и без всяких укрытий переносят на открытом воздухе морозы до 25 градусов. Важно и то, что благодаря узким листьям на них не задерживается снег, который своим грузом нередко ломает крону.

Юкка, растущая главным образом в наших субтропиках, может теперь выйти на более широкие просторы нашей страны. Хочется, чтобы ее вечнозеленые листья и пышные цветы украсили трассу Главного Туркменского канала и других великих строек коммунизма.

А. ВЕКСЛЕР

Американские империалисты превратили Грецию в свою вотчину.
Из газет.

«АМЕРИКАНСКИЙ СТИЛЬ» В ГРЕЦИИ.

Рисунок Ю. Черепанова

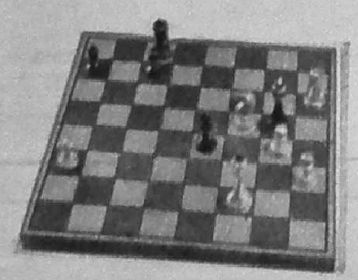
К матчу Ботвинник — Тайманов

Две партии

Шахматисты долго будут помнить последний тур XX чемпионата. У Тайманова было 13½ очков. Он играл с Геллером. У Ботвинника было на очко меньше, он встретился с Суэтиным. После пяти часов игры обе партии были отложены. Болельщикам пришлось набраться терпения до следующего дня. Ботвиннику и Тайманову предстояла не очень спокойная ночь.

Доигрывание началось в час дня.

Диаграмма показывает отложенную позицию в партии Геллер — Тайманов:

Белые: Kpf2, Лh6, Kf5, п: а3, g4, h3

Черные: Kpg5, Лс8 Се4, п: а7, с7.

Ход Тайманова. У него на пешку меньше, но при лучшем ходе он может форсировать ничью, о которой он мечтал в течение всей партии: ничья ему обеспечила бы звание чемпиона СССР. Зрители обсуждают ход 42... Лf8. Понятно, что и Тайманов видит этот ход. Он думает около 50 минут и записывает ход. Какой?.. На следующий день судья вскрывает конверт. Геллер улыбается, когда видит, что записан ход не 42... Лf8, а 42... Лb8? После 42... Лb8 Геллер легко и убедительно довел партию до выигрыша.

В случае правильного хода 42... Лf8 Тайманов мог форсированно перейти в пешечный эндшпиль и добиться ничьей. Вот как эта партия могла протекать дальше:

42... Лf8! 43. Kpe3 С : f5 44. Лh5 + Kpg6 45. Л : f5 Л : f5 46. g : f5 + Kp : f5 47. Kpd4 Kpg5 48. Kpc5 Kph4 49. Kpc6 Kp : h3 50. Kp : c7 Kpg4 51. Kpb7 a5 52. a4 (или 52. Kpb6 a4 53. Kpb5 Kpf5 54. Kp : a4 Kpe6 55. Kpb5 Kpd7. 56. Kpb6 Kpc8 ничья) Kpf5 53. Kpb6 Kpe6 54. Kp : a5 Kpd7 55. Kpb6 Kpc8 и ничья!

Тайманов долго рассчитывал ходы, но, видимо, до конца не рассчитал. На первый взгляд кажется, что пешечный эндшпиль безнадежен для черных. Рассчитывать варианты в 13—15 ходов за доской практически очень трудно. Одна из причин, почему Тайманов не записал хода 42... Лf8, заключается и в том, что он должен был проверить и другие ходы. Ему казалось, что и при его ходе 42... Лb8 есть шансы на ничью. Но эта оценка оказалась ошибочной. В три часа дня Тайманов сдался.

Около пяти часов дня в партии Суэтин — Ботвинник после 74-го хода получилась следующая позиция:

— С победой!
— И вас также.

Рисунок И. Александровича

Белые: Kpe4, Лh4, Cb5, па4

Черные: Kpd6, Лg3, Cd2, п : а5, е6

Вряд ли возможен здесь выигрыш, считали мастера и гроссмейстеры. Кто мог подумать, что белые вынуждены будут сдаться уже через два хода?! Как это получилось? Последовало:

75. Cb5—d3.	Cd2—g5
76. Лh4—h5??	. . .

Возможно было 76. Лh7, h8, h2, h1, и Ботвиннику пришлось бы еще очень долго трудиться, да и то при правильной защите белых мало вероятно, чтобы черным удалось реализовать лишнюю пешку. Из пяти возможных ходов ладьей Суэтину удалось «найти» единственный, который ведет к немедленному проигрышу.

76. . . Kpd6—c5!

Этот сильный ход Ботвинника был заключительным, самым последним ходом в чемпионате: белые попались в матовую сеть! Защиты нет. Если, например, 77. Kpe5, то 77. . . Л : d3 78. Л : g5 Лd5+ и после размена черные легко выигрывают. Поэтому Суэтин сдался.

Итак, Ботвинник догнал Тайманова!

Сало ФЛОР

Колонок

У художников всего мира издавна славятся колонковые кисти. Они делаются из упругого ворса хвоста колонка, шкурка которого идет на имитацию соболя.

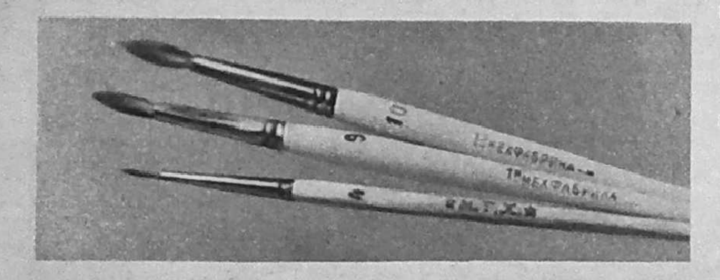
Колонок — хищный зверек. Длина его тела — 30, а хвоста — 20 сантиметров. Цвет красновато-рыжий.

Обитает он на всем протяжении зауральской тайги (кроме Сахалина и крайнего северо-востока), а также в Центральной и Восточной Азии и в Японии. К западу он встречается до Урала, низовьев Камы и Вятки.

Колонок устраивает норы под корнями деревьев и в камнях, а иногда в дуплах.

Недавно колонок появился в Московском зоопарке

Ан. АНЖАНОВ

Из почты «Огонька»

Барс-альпинист

Однажды в конце марта, когда в горах еще царила зима, группа альпинистов поднималась на вершину Большого Чимгана, в западных отрогах Чаткальского хребта Тянь-Шаньской горной системы.

Впереди, насколько видел глаз, лежала снежная целина. Ветер разукрасил ее затейливыми узорами. Желобки и завихрения, надувы и полосы, пушистые шапки снега на камнях и скалах говорили, что ветер не унимался всю зиму.

Только под камнями, на солнцепеке, виднелись узорные строчки следов горностая. Следы других обитателей здешних мест — диких козлов, кабанов, косуль, зайцев, лис и волков — остались далеко внизу.

Но вот на снегу появились отпечатки крупных лап. Это был след обитателя высокогорной области — снежного барса, одного из самых красивых зверей Средней Азии. Его беловато-серый, с желтым оттенком мех испещрен черными пятнами в виде колец, розеток, полос. Добычей его служат козлы, косули, архары, зайцы; охотится он даже и на птицу — горных куропаток и индеек.

...След барса продолжал идти в нужном альпинистам направлении. Если на пути попадался снежный карниз, готовый обрушиться при первом прикосновении к нему, барс, чуя опасность, его обходил. На другом участке, хотя это и был лавиноопасный склон, следы пошли прямо вверх, словно зверь хорошо знал правила безопасного пересечения мест, грозящих снежным обвалом.

Альпинисты шутили: «Товарищ инструктор, вы остались без работы. Сам снежный барс служит нам проводником». И действительно, до самой вершины альпинисты шли по следу барса. Видимо, зверь направлялся в другой район охоты.

Еще более интересный случай произошел при восхождении на пик Ленина. Эта третья по высоте вершина нашей страны поднимается в Заалайском хребте более чем на 7 тысяч метров над уровнем моря.

Обычно считают, что предел обитания диких зверей, в том числе и снежного барса, как самого высокогорного жителя, простирается не выше 5 тысяч метров. Как же были удивлены альпинисты, когда среди мертвой, безжизненной природы нижней границы стратосферы они обнаружили вокруг места ночлега на высоте 6,5 тысячи метров плотное кольцо следов! Долго эти следы шли вдоль пути восходителей.

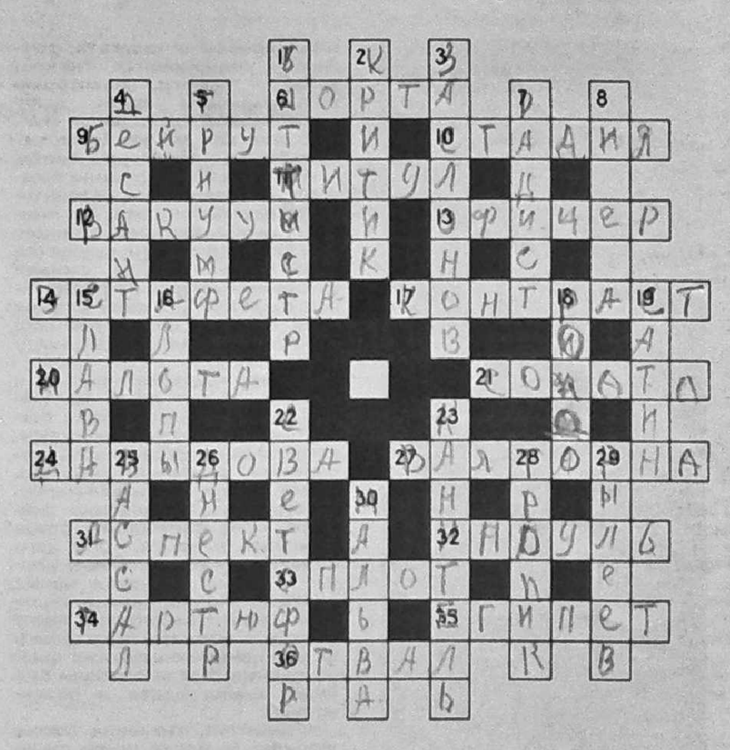
Стрелка альтиметра — прибора, показывающего высоту местности над уровнем моря,— неуклонно поднималась, отсчитывая десятки и сотни метров: 6 700, 6 800... Следы животного не исчезали. На следующий день альпинисты перевалили высоту в 7 тысяч метров над уровнем моря. И вновь рядом с туром, который выкладывается из камней в знак достижения вершины, на снегу виднелись глубокие отпечатки лап.

Трудно сейчас установить, как смог барс преодолеть участки подъема, где альпинисты поднимались на стальных острозубых «кошках». Возможно, что на крутых ледовых участках зверь выпускал когти, которые ему заменяли альпинистские «кошки».

Часто ли снежные барсы путешествуют так высоко, или это был особый барс, барс-альпинист, трудно сказать. Однако следы пребывания зверя на высоте в семь с лишним тысяч метров — любопытный и, пожалуй, неизвестный случай из жизни высокогорной фауны.

Владимир РАЦЕК,
действительный член Всесоюзного географического общества
Ташкент.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Артерия. 9. Столица Ливана. 10. Период, ступень в развитии. 11. Название одной из страниц книги или журнала. 12. Состояние разреженного газа в непроницаемом резервуаре. 13. Лицо командного состава. 14. Спортивное соревнование. 17. Резкая противоположность. 20. Остров в Средиземном море. 21. Музыкальное произведение. 24. Советская оперная артистка. 27. Музыкальный инструмент. 31. Точка зрения. 32. Приток Дона. 33. Надежная защита, твердыня. 34. Комедия Мольера. 35. Государство в Африке. 36. Приспособление у плуга.

По вертикали:

1. Прибор для измерения мощности электрического тока. 2. Литературная специальность. 3. Один из руководителей партизан Белоруссии, Герой Советского Союза. 4. Военная операция. 5. Блестящий успех. 7. Специалист по беспроволочной связи. 8. Буква. 15. Китобойная флотилия. 16. Горная система Западной Европы. 18. Стихотворная форма. 19. Хлопчатобумажная ткань. 22. Сигнальный фонарь. 23. Рассказ А. П. Чехова. 25. Подчиненное, зависимое государство. 26. Река в СССР. 28. Воображаемый круг, параллельный экватору. 29. Декабрист. 30. Рассказ А. М. Горького.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Казакевич. 6. «Электросила». 9. Оправа. 11. Литва. 12. Козета. 16. Трюм. 17. Факультет. 18. Бура. 19. Митрофан. 20. Проблема. 22. Ирис. 23. Лейтмотив. 24. Енот. 25. «Челкаш». 27. Пирог. 29. Привал. 30. Травосеяние. 31. Кариатида.

По вертикали:

1. Колба. 2. Закал. 3. Каротель. 4. Висла. 5. Чулок. 7. Шахматистка. 8. Изобретение. 10. Перемирие. 13. Терракота. 14. Памфлет. 15. Федотик. 21. Юмореска. 26. Шарик. 27. Повар. 28. Грязи. 29. Прима.

Перебирая старые документы

Изобретатель Николай Захаров

Зимой 1883 года Русское техническое общество заслушало на одном из своих заседаний сообщение о работах механика-самоучки Н. И. Захарова. Его изобретения были настолько интересны, что совет Общества решил опубликовать биографию русского механика — факт в истории Общества беспрецедентный.

Николай Иванович Захаров родился в 1843 году в деревне Вараксиной, Смоленской губернии. Отец его, николаевский солдат, погиб на службе, оставив жену и троих детей. Маленького Колю отправили в уездный город Белый «в люди». Четырнадцатилетним мальчиком Захаров выучился часовому ремеслу. Вскоре он стал признанным часовым мастером.

В конце 60-х годов Захаров переезжает в Москву. Здесь на Всероссийской политехнической выставке демонстрировалось его первое изобретение — рисовальная машина. Механик-самоучка был награжден золотой медалью.

Несколько лет спустя Н. Захаров изобрел электрическую гравировальную машину и наметил пути автоматизации репродукционной техники. В журналах и газетах того времени сохранились описания этого первого в истории техники электрогравировального автомата. Вот одно из них: «...Машина работает автоматически и не требует никаких подготовительных работ... Для воспроизведения любого рисунка, его необходимо только нарисовать асфальтовым лаком на валике, приводящемся во вращательное движение. По валику ходит упругая пластинка с иголкой и там, где иголка входит на изолирующую поверхность, ток проходит через реле в главный электромагнит, который оттягивает резец назад, а когда иголка касается до металлической поверхности, то ток проходит в другой электромагнит и резец режет вещи...».

Развивая и совершенствуя идею русского мастера, советский изобретатель Николай Петрович Толмачев построил гравировальный автомат.

Е. НЕМИРОВСКИЙ

В этом номере помещены репродукции картин В. М. Васнецова «Иван-царевич на сером волке», «Витязь на распутье», «Ковер-самолет», две страницы цветных фотографий и две страницы репродукций польских народных аппликаций из цветной бумаги.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

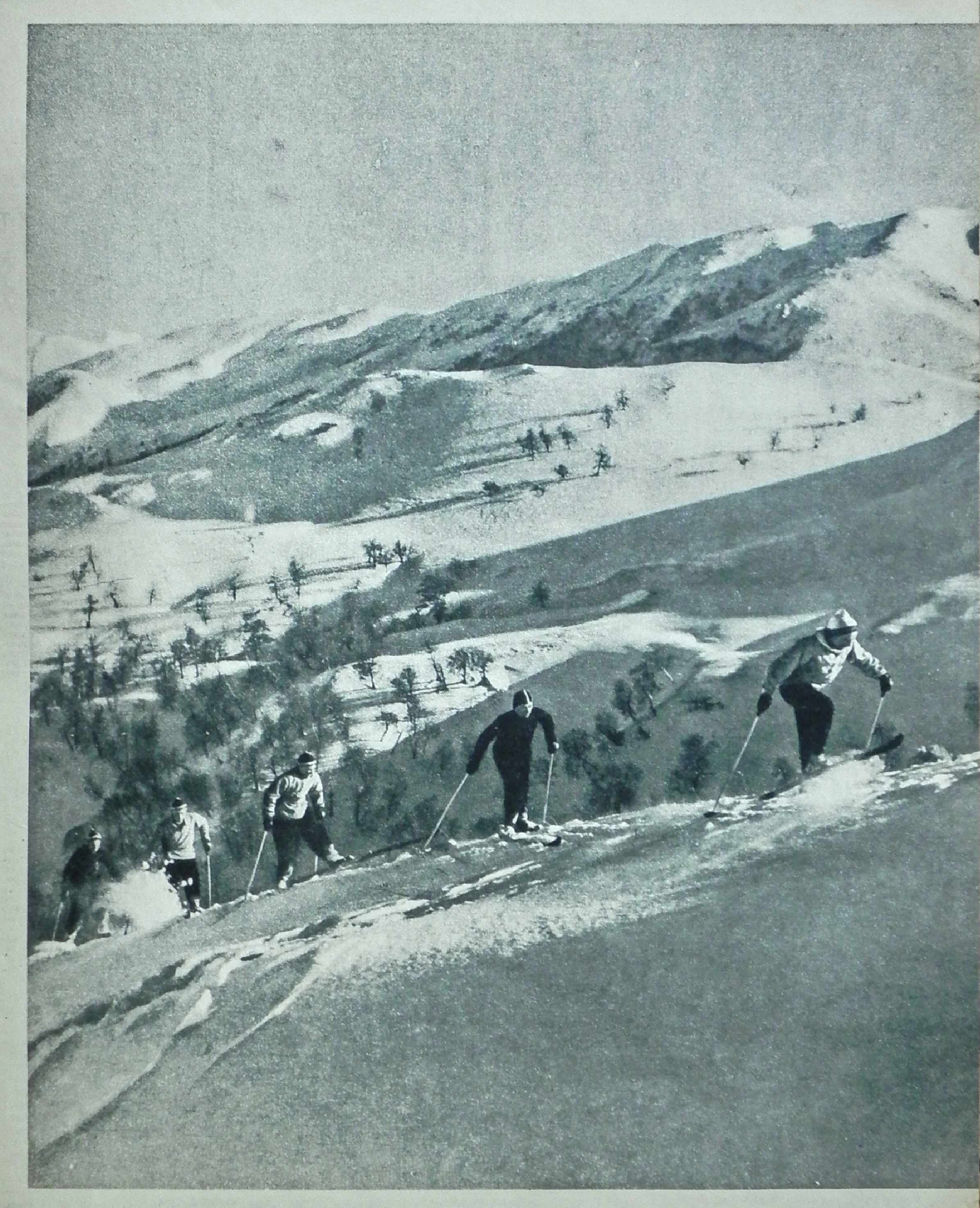
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 01406. Подп. к печ. 20/I 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 76. Заказ 3311. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Кавказ. Тренировка лыжников на горе Кохта.

Фото Е. Умнова

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВОЗДУШНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Цена номера 3 руб.